



НАТАЛЬЯ  
КАЛИНИНА

НЕКТАР  
КРАДЕНОЙ  
ЧЕРЕШНИ

Чужая ноша

Наталья Калинина

# **Нектар краденной черешни**

«Калинина Наталья»

2009



**Калинина Н. Д.**

Нектар краденой черешни / Н. Д. Калинина — «Калинина Наталья», 2009 — (Чужая ноша)

ISBN 978-5-699-36987-4

Возвращаясь в родной город, Инга мечтала только об отдыхе. Знакомые улочки, морской бриз, сочная черешня... Казалось, ничто не может потревожить мирный покой тихого городка. Но странное, пугающее своей необъяснимостью ощущение, что должно произойти что-то плохое, не отпускает девушку со дня приезда. О чем таком страшном пытается предупредить через сны бабушка? Кому Инга, сама того не подозревая, перешла дорогу? И как спасти дорогих ей людей, оказавшихся беззащитными перед лицом мистических сил? Книга также выходила под названием «Девушка, прядущая судьбу».

ISBN 978-5-699-36987-4

© Калинина Н. Д., 2009

© Калинина Наталья, 2009

## Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	27
Глава 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

# Наталья Калинина

## Нектар краденой черешни

### Глава 1

– Лиза! Лиза, ты где?

Алексей уже минут двадцать рыскал по дому в поисках так невовремя пропавшей дочери. Черт побери эту Лизкину странность: исчезать в самый неподходящий момент! Впрочем, разве могут быть подходящие моменты для таких исчезновений?

– Лиза, доченька! Ну где же ты? Папа очень спешит...

Впрочем, уже не спешит. Они с Лизой опоздали. Дальше можно не торопиться.

Алексей поднялся на второй этаж и еще раз прошелся по пустым спальням. Похоже, он уже стал привыкать к тому, что его восьмилетняя дочь иногда без объяснений исчезает, а потом молча появляется откуда-то с самым невозмутимым видом и насмешливым прищуром: «Ну что ты, папа? Испугался? А я вот она! Никуда и не пропадала!»

В первый раз, когда дочка пропала, он чуть с ума не сошел. На уши поставил и домработницу, и охрану, и, наверное, всех встретившихся ему на улице людей. Тогда он еще не знал, что Елизавета прячется только в доме.

– Лиза, в самом деле! Это уже не смешно! – В голосе Алексея просквозили явные нотки раздражения. Он обошел весь дом в третий, если не в четвертый, раз, а дочки нигде не было.

Где она умудряется так долго прятаться? Алексей был уверен, что знает в своем доме каждый закоулок.

– Лиза?

Дочь обнаружилась в собственной спальне. Она сидела за письменным столом и с невозмутимым видом рисовала в альбоме.

Алексей остановился в дверях детской и перевел дыхание: он только сейчас понял, как сильно волновался, разыскивая пропавшую дочку. И тут же на смену облегчению пришло вполне оправданное удивление: во время своих поисков он заходил в детскую несколько раз. И Лизы здесь, конечно, не было.

– Лиза, где ты была?! Я тебя уже полчаса по всему дому разыскиваю!

Дочка с достоинством прервала свое занятие и с чуть надменным выражением посмотрела на отца. «Никуда я не пропадала! Не видишь, я – рисую!» И даже приподняла за край альбом, демонстрируя изрисованную страницу.

«Ничего не понимаю... Может, я и в самом деле схожу с ума и Лизкины исчезновения мне мерещатся? Продам дом, к черту!»

– Лиза, рисование – это замечательно, но мы уже опоздали! Ты пошла собираться, и куда ты пропала после этого? Я прождал тебя в машине пятнадцать минут, потом полчаса искал по всему дому! И что я вижу? Моя дочь сидит себе спокойно и рисует! Ты издеваешься надо мной, да?

Дочка, снова принявшаяся с невозмутимым видом что-то черкать в альбоме, усмехнулась. И все его негодование разбилось об эту ее усмешку – совсем не детскую, так похожую на его собственную. Алексей хотел высказать дочери все, что он думает по поводу ее «выкрутасов», но осекся и, махнув рукой, устало выдохнул:

– Чтобы через пять минут была в машине. И без фокусов!

В машине он закурил. Глядя сквозь боковое стекло на фасад своего дома, уже в который раз подумал, что надо бы продать это некогда счастливое жилище и перебраться с Лизой из особняка в просторную квартиру. Покупатели найдутся: этот дом, расположенный так

близко от моря, многим покажется лакомым кусочком. А может, стоит вообще переехать в другой город, в Москву, например? И там открыть новый бизнес, а для Лизы найти хорошую спецшколу. И зажить новой жизнью – другой, может быть, немного удачней настоящей, но вряд ли счастливой. Счастливая жизнь у них уже была – еще так недавно.

Хлопнула дверца машины, и дочка устроилась на соседнем кресле. На этот раз Елизавета послушалась и явилась ровно через пять минут, не опоздав ни на секунду. Алексей усмехнулся про себя и завел двигатель. «Лизка, что произошло с нашей жизнью? Что произошло с нами?..» Он бросил короткий взгляд на притихшую дочку и вздохнул.

\* \* \*

Родной город встретил ее, словно мать – заблудшую дочь, долгое время скитавшуюся по свету в поисках счастья и в конце концов с израненной обманами и потерями душой вернувшуюся под родное крылышко.

Инга сидела в одной из многочисленных летних кафешек, приютившихся на набережной. Курортный сезон еще только начинался, и поэтому и в кафе, и на пляжах, и на набережной было малоллюдно. Но всего через неделю-две город примет толпы изнуренных затяжной зимой курортников и превратится в шумный муравейник.

Инга окинула любопытным взглядом немногочисленных посетителей. Ее взгляд задержался на влюбленной парочке. Отношения между влюбленными, видимо, находились на начальной стадии развития, когда обществу друзей и подруг предпочитаешь возможность быть наедине с любимым человеком. Когда в каждом слове, жесте, взгляде партнера ищешь и находишь скрытые клятвы в вечной любви. Когда любая окружающая обстановка кажется романтической – будь то морское побережье, пыльная многолюдная магистраль или подобная дешевая забегаловка. И когда кормить друг друга с ложечки мороженым кажется невероятно сексуальным. Впрочем, возможно, эти молодые люди – молодожены и у них самое начало медового месяца.

Инга улыбнулась про себя, мысленно пожелав парочке как можно дольше сохранить пылкость в отношениях, и перевела взгляд на деваху за соседним столиком. Девушка с таким воодушевлением уплетала шаурму, что Инге тоже вдруг захотелось купить себе вместо сока и мороженого шаурму и с таким же аппетитом есть ее, запивая холодным пивом. Молодая женщина, видимо, почувствовала на себе взгляд и недовольно глянула на Ингу, и та, смутившись, поспешно отвернулась.

Сколько же лет она не была в своем городе? Уже и не вспомнить. Стыдно, но каждое лето она, изменяя родному побережью, отправлялась отдыхать на чужестранные курорты. Избалованная «столичная штучка», как наверняка назвал бы ее кто-нибудь из стародавних школьных подружек.

Город простит, как мать – непутевую дочь, вернувшуюся в семейное гнездышко зализывать опаленные крылышки. «Мама, ты простишь?..» – «Главное, что ты вернулась, доченька...»

Ей было одновременно и хорошо, и грустно. Слишком серьезные потери пришлось пережить совсем недавно. И неожиданно близким оказался город, который она когда-то оставила ради столичной суеты.

Инга вытащила из сумочки зазвонивший телефон.

– Да, Вадим?

Брат интересовался, как она добралась и обустроилась.

– Все в порядке. Сняла флигелек у любезной старушки. Сейчас вот сижу в кафе, дышу свежим воздухом и люблюсь морем. Можешь завидовать!

– Уже завидую, – усмехнулся Вадим. Ему-то вряд ли удастся этим летом выбраться в отпуск на море: в его новоиспеченной семье ожидается прибавление.

– Как Лариса?

– Да ничего, нормально. – Обычный ответ Вадима. – Привет тебе передает. Инга, ты там будь внимательной, а то мало ли...

– Вадим, что может со мной случиться в *нашем* городе? – засмеялась она, бросая короткий взгляд на девушку с шаурмой, которая, совершенно не стесняясь, с интересом прислушивалась к ее разговору. – Это ты будь внимательным! Ларисе забота сейчас как никогда требуется!

– А то я не знаю, – буркнул брат, будто обиделся на то, что сестра посмела заподозрить его в невнимательности к беременной жене. – Обойдемся без наставлений, Инга.

– Я как старшая сестра могу позволить себе подобные наставления!

Вадим со смехом напомнил:

– Ты старше меня всего на пятнадцать минут!

Его всегда забавляло, что сестра упорно считает себя старшей, хотя они двойняшки.

– Но все же старше, – припечатала Инга и еще раз наказала: – С Ларисой будь сама забота и внимательность!

– Инга!..

– Что «Инга»? Я уже двадцать девять лет Инга! Все, пока! Целую. – Она засмеялась и нажала «отбой».

Разговор с братом, как всегда, поднял настроение. «Между нами особая Связь», – часто повторяла она. И всегда чувствовала, что происходит с Вадимом, даже если он находился на расстоянии. Чувствовала...

Инга вздохнула. Теперь она другая. Не слабая, но бессильная.

– Извините, не угостите сигареткой?

Инга подняла глаза и увидела перед собой девушку – ту самую, которая с таким аппетитом трескала шаурму.

– Да, пожалуйста, – вежливо протянула ей пачку Инга.

Молодая женщина поблагодарила, закурила и неожиданно присела за столик:

– Вас зовут Инга? Вы – Инга Дохновская?

– Да, – ответила она, удивленно глядя на незнакомку.

– С ума сойти! Ну надо же! А я-то думаю, мерещится мне или нет! Сажу и гадаю. А как услышала твой разговор по телефону, так все сомнения и отпали: брата ты Вадимом назвала! Глазам не верю: передо мной Дохновская собственной персоной!

Девушка, не скрывая своей радости, тараторила и тараторила под вопросительным взглядом Инги.

– Не узнаешь, Дохновская? Ой, неужто я так изменилась! Ну, раз не узнаешь, значит, богатой буду! Ну же, милая, вспомни, кто на страже стоял, пока вы с Вадькой черешню с соседских деревьев обрывали? И к кому ты приревновала Серегу Носова, потому что он на дискотеке пригласил на танец не тебя? И с кем ты потом придумывала различные способы отделаться от этого же Сереги, потому что у тебя любовь к нему прошла, а он, наоборот, воспылал к тебе чувствами?

– Черешню мы с Вадимом тогда оборвали бы всю, если бы он так некстати с дерева не навернулся! Серега Носов тебе был не нужен, потому что ты сохла по моему брату! Маша! Пустовалова! – воскликнула Инга, признав в этой «девушке с шаурмой» подругу детства, с которой не виделась уже добрый десяток лет. Воскликание было таким громким, обернулись влюбленные «голубки».

– Она самая! – воскликнула еще громче Маша. – Только я уже давно не Пустовалова, а Грачева! Замуж выскочила на втором курсе! Впрочем, теперь я снова Пустовалова, потому что развелась. А ты фамилию сменила?

– Нет, – скромно улыбнулась Инга. – Я не выходила замуж.

– Ну и правильно, чего там делать? – горячо одобрила разведенная Мария и снова радостно затараторила: – Уж и не думала, что мы с тобой когда-нибудь встретимся! А ты совсем красавица стала! С блеском, с лоском! Вот что значит – столичная жительница! А мы вот тут... – Мария сокрушенно вздохнула, выказывая легкую зависть к привлекательности столичной подруги.

Инга лишь усмехнулась про себя: видела бы ее Маша месяца три-четыре назад, изможденную болезнью, уж точно не стала бы завидовать ее «лоску и блеску». Разве что пожалела бы.

– Я тебя не сразу узнала, потому что ты волосы в черный цвет перекрасила. Ты ведь светло-русая, насколько я помню.

Машка придирчиво оглядела длинные волосы Инги. Сложно поверить, что крашенные, настолько они выглядели натуральными и ухоженными.

– Мне всегда хотелось быть брюнеткой, – пояснила Инга.

Мария с недоверием протянула:

– Странное желание... Обычно все хотят быть блондинками. – И со значением накрутила на палец собственную выбеленную краской прядь. – А ты сюда как, совсем приехала или просто на море?

– Просто на море, – сказала Инга, мысленно пожелав, чтобы подруга не спросила, почему она столько лет не появлялась в родном городе, а приехала лишь сейчас. На этот вопрос она и сама не знала ответа.

Но Маша только поинтересовалась, на какой срок приехала Инга.

– Как получится, – уклончиво ответила она. – Пока на месяц, а там видно будет. Может, на все лето задержусь, а может, и раньше уеду.

– Ишь ты! – присвистнула Маша. – А как же работа? Ведь, если я правильно вас, москвичей, понимаю, вы просто повернуты на своих должностях и карьерах. В отпуск на все лето вряд ли уходите.

– У меня свободный график, – загадочно усмехнулась Инга. Пустовалова сейчас, как пить дать, начнет расспрашивать, что же у нее за работа такая.

Но Маша, дабы не ударить в грязь лицом перед столичной подругой, сама обо всем «догадалась» и со знанием дела кивнула:

– А-а, понятно. Свой бизнес, да? Салон красоты? Или магазинчик держишь?

– Скорее – салон красоты, – развеселилась Инга. Знала бы Маша, чем она на самом деле до некоторых пор занималась!

– Вот что значит – столица. Совсем другая жизнь! Не то что тут у нас... Я вот торговое училище окончила. И то считаю, что все у меня удачно – я с образованием да при постоянной работе. Устроилась в продуктовый магазин! На весь год работой обеспечена, а то ведь многие у нас лишь летом могут зарабатывать – на курортниках. В сфере обслуживания, там, сдавая комнаты или продавая овощи-фрукты со своих огородов. Да что тебе рассказывать! Помнишь, наверное, ты эту жизнь! Зато воздух у нас свежий!

– И солнце есть, – с улыбкой поддержала Машку Инга. – И море.

– Ну, давай рассказывай, рассказывай о себе! Как ты там, в столице, живешь? – с жадным интересом поторопила Мария. – И как брат твой? Я знаю лишь то, что вы с Вадимом уехали в Москву в вузы поступать, а как дальше ваша жизнь сложилась – не знаю.

– Да неплохо вроде. Вадим в банке работает, ему повышение обещают в скором времени. Я на психолога выучилась. У меня небольшая частная практика. Я слишком свободной оказалась, чтобы ежедневно торчать в офисе с девяти до шести! Или ленивой, – засмеялась Инга. О том, что до недавнего времени совмещала практику психолога с «ведьминской» (как шутил брат), она умолчала.



– О, так ты значит – психолог! А мне про салон красоты пять минут назад заливала! – немного обиделась Маша.

– Ну а чем кабинет психолога не салон красоты? Салон душевной красоты. А внутренняя красота и на внешности отражается.

– Резонно, – согласилась Мария и попросила: – Расскажи мне о Вадьке! Все же моя первая любовь как-никак... Холостует или уже женился?

– Женился – совсем недавно, в конце апреля. Скоро ребенок должен родиться.

– Ох, здорово! Ну, счастья ему и его семье!

Инга улыбнулась и предложила подруге заказать по чашке кофе и десерту, но та, спохватившись, отказалась:

– Ох, нет уже, Инга! Я совсем о времени забыла! Встретила тебя так неожиданно и заболталась. А у меня сын еще без ужина где-то бегаёт с соседскими ребятами! Пойду искать его и кормить. У меня сын уже взрослый какой! Почти десять лет!

Прежде чем уйти, Маша предложила Инге встретиться вечером:

– Мы сегодня с подружками маленький междусобойчик устраиваем. Выход, так сказать, в свет. Нас трое. Раз-два в неделю мы обязательно собираемся вместе и идем в ресторан или гуляем по набережной. Так, болтаем о том о сем, иногда мужикам глазки строим, – кокетливо хохотнула Маша. – В общем, приходи сегодня часам к десяти в ресторан «Морской». Это на набережной, где раньше ресторан «Советский» был, помнишь?

– Помню, – с ностальгией улыбнулась Инга. Город детства продолжал заботливо подкладывать ей нужные пазлы, постепенно воссоздавая картину ее жизни здесь. Встреча с подругой детства, ресторан «Морской», который раньше был «Советским»... Воспоминания, захлестывающие душу подобно морскому прибою, латали и залечивали раны-прорехи. Для полного погружения в мир детства не хватало только соседского сада, в котором черешня всегда казалась крупнее и слаще.

– Так придешь? Я тебя с девчонками познакомлю! Поболтаем о жизни.

Маша просила так настойчиво, что Инга не могла отказать.

\* \* \*

Со стороны могло показаться, что эти два человека пришли в ресторан, чтобы, подобно другим посетителям, насладиться хорошей кухней и ленивым, ни к чему не обязывающим разговором за размеренным ужином с шашлыком и терпким вином.

– Есть новости. Она в городе.

– Когда приехала?

– Вчера вечером.

– Хм... – Пожилой мужчина отложил вилку и неторопливо промокнул рот салфеткой. – Почему я узнаю об этом только сейчас, почти сутки спустя?

Его собеседник виновато опустил глаза и еле слышно пробормотал:

– За этот период не произошло ничего такого, что могло бы...

– Послушай, дорогуша, – мужчина бесцеремонно перебил второго, младшего по возрасту, и раздраженно швырнул салфетку. Наклонившись через стол к своему собеседнику, он с елейной интонацией в голосе зашептал: – Твоя роль – исполнительный наблюдатель. Увидел – доложил, увидел – доложил. И так далее! А делать выводы, произошло или не произошло «ничего такого», буду я. И только я! Мне нужна точная и своевременная – слышишь? Своевременная! – информация. Это понятно?

Второй человек еле слышно пробормотал слова согласия.

– То-то же! Твоя задача – наблюдать и докладывать мне. О любых, даже мало значимых происшествиях или отсутствии оных. И при этом быть тише воды ниже травы, чтобы ни одна душа даже мысли допустить не посмела о наличии слежки. Это ясно? Проколешься – сгною.

Прошептав ласковым голосом свои угрозы, старший собеседник медово улыбнулся и подозвал крутившегося неподалеку официанта:

– Голубчик, принеси-ка нам по порции пломбира!

Дружеский, почти семейный ужин, да и только...

## Глава 2

Судя по застывшему на лицах молодых женщин ожиданию, смешанному со жгучим любопытством, Мария успела поведать своим подругам, что к ужину бонусом прилагается знакомство с ее давней приятельницей. Столичной штучкой. Ее и ждали – как столичную штучку, с некоторым ревностным вызовом в любопытных взглядах. Мы, мол, тоже не лыком шиты и красотой не обделены.

Маша, увидев Ингу, энергично замахала рукой, а остальные девушки за столом расцвели радушными улыбками. «Вэ-элкам!»

– Добрый вечер! – Инга подошла к столику.

Три подруги тут же окинули ее с ног до головы быстрыми оценивающими взглядами, какими женщины встречают другую женщину. Взгляды привлекательных самок, определяющих привлекательность другой самки.

– Добрый вечер!

– Привет!

– Добрый!

Девушки заметно расслабились. Новенькая хоть и была привлекательна, но одета была в слишком уж скромную «шкурку» – неброский, на их взгляд, сарафанчик. Легкое разочарование во взглядах сменилось торжеством: не соперница. По крайней мере, не на этот вечер.

– Девочки, знакомьтесь! Это – Инга, моя подруга детства, которая сейчас живет в Москве, – почти торжественно представила Маша вновь обретенную приятельницу. – А это, Инга, мои подружки. Таисия, или можно Тая, и Анна.

– Лучше – просто Аня, – одна из девушек скромно улыбнулась.

– Очень приятно, – вежливо сказала Инга и присела на свободный стул рядом с Машей.

Ее приняли. Настороженность во взглядах исчезла после первых бокалов терпкого вина. Южные знакомства завязываются быстро и непринужденно, даже если предполагают не скоропалительный, пламенеющий страстью роман, а сезонную женскую дружбу.

Они были очень разными – эти три подруги, начиная с внешности и заканчивая характерами.

Легкая на подъем Мария готова была к приключениям и флирту в любую минуту, и эта готовность отражалась в ее легкомысленном наряде, в озорном блеске глаз и в чуть более громком, чем требуют приличия, смехе. Но, однако же, ее сильное желание нравиться не выглядело смешным. Мария рискованно балансировала на границе, отделяющей умеренность от излишества, но не оступалась в сторону вульгарности.

Таисия предпочитала более скромную, но подобранную со вкусом одежду и неброский макияж. Среди своих подруг она занимала «золотую середину»: спокойная, рассудительная, не обделенная здоровой иронией. В ней было в меру «правильности», проявлявшейся скорее в виде безобидных подшучиваний над ветреностью Марии и ханжеством Анны, чем в поучениях.

И, наконец, Анна. Испуганный серый мышонок или кроткая овечка. Не сказать, что она была некрасива, скорее слишком неприметна. Видимо, ее застенчивость, разросшаяся до глобального комплекса, превратилась в параноидальное желание сделаться невидимой для окружающих: об этом честно говорило и длинное старомодное платье синего цвета, и завязанные в скучный хвост тусклые волосы, и отсутствие малейших признаков макияжа на простоватом личике.

Но, несмотря на такую разность, подруги удивительным образом дополняли друг друга, словно каждая из них была лишь третьей одной цельной картины. Даже беседуя, они договаривали друг за друга, привнося в общий разговор индивидуальный колорит.

– Ох, девчонки, ка-акой вон мужчина-а! Мама родная, держите меня! – эмоциональная Мария по-простецки ткнула пальцем в сторону понравившегося мужчины за столиком в противоположном углу ресторана.

– Вот именно, что «мама родная», – спокойная и немного флегматичная Таисия скептически усмехнулась, тем самым красноречиво вынося вердикт вкусу подруги.

– Девочки, ну не так же громко! На нас уже смотрят. Ой, он оглянулся! – испуганно шикнула на подруг скромная и пугливая Анечка (почему-то Инге хотелось звать ее именно «Анечкой»: должно быть, за овечью кроткость в светло-карих глазах и смущенный румянец).

– Оглянулся? – Машка тут же, к вящему неудовольствию Анечки, бросила меткий взгляд на облюбованный столик и призывно улыбнулась вмиг подобравшемуся плеейбою местного разлива.

– Машка, сама потом от него отделяться будешь. Мы умываем руки, – предупредила Таисия, а Анечка покраснела в возмущении.

– Зануды! – весело припечатала Мария.

Инга лишь улыбнулась.

Город словно вдыхал в нее новую жизнь. Или давно забытую старую. Ту, в которой были абрикосы с медовыми капельками сока на месте разлома; нелегально ободранная соседская черешня; связки высушенных морских бычков; загадочная сезонная популяция курортников, стекающаяся сюда из другой – северной – жизни; мелкие несерьезные ссоры с братом и следующие за ними серьезные примирения; бабушкина улыбка, когда улыбались не только ее губы, но и глаза, и каждая морщинка на высушенном солнцем и жизнью лице. Та жизнь закончилась и осталась в далекой стране детства, куда нельзя купить обратный билет, а путешествовать можно лишь транзитным туристом: с помощью чуть стертых воспоминаний и искажающих действительность снов. И вот сейчас Инге словно чудесным образом достался последний билет на самолет, пролетающий над страной детства.

– Инга, а ты замужем? – спросила с неподдельным интересом Тая.

В атмосфере сезонной курортной дружбы, темного, как южная ночь, вина, соленого, пахнущего флиртом ветра и раскаленного любовной страстью песка любые отношения стремительно становятся на короткую ногу и вопросы не кажутся бестактными.

Из трех подруг замужем была только Таисия.

– Нет, – скромно ответила Инга.

О-о, узнай эти ее новые приятельницы о ее последнем романе, они совершенно с другим интересом посмотрели бы на «столичную штучку». Они бы красноречиво промолчали в ответ, маскируя недоумение запоздалыми натянутыми улыбками, и сгорали бы от нетерпения обсудить «эти аморальные столичные нравы», как только Инги не будет поблизости.

– Да что там, замужем, делать? – разведенная Мария теперь задорно-легкомысленно высказывала «фи» кольцам на безымянных пальцах, отдавая предпочтение ни к чему не обязывающим ресторанным флиртам и, изредка, коротким курортным вспышкам страсти.

– Вопрос не в том, что делать замужем, вопрос в том, чтобы *быть* замужем. – Таисия, определенно, с фанатичным рвением поклонялась культу брачного штампа в паспорте.

– Вопрос даже не в том, чтобы быть замужем, а в том, чтобы желать создать *семью*, – тихим голоском провозгласила свою истину Анечка.

Инга невольно улыбнулась: вот уж для кого семья была бы и Библией, и священным храмом. Но скромная Анечка с ее домоостроевской покорностью в глазах слишком уж отчаянно смущалась своего простоватого личика и мышинового цвета волос, чтобы представлять интерес для местных скучноватых мужичков, не говоря уж о заезжих плеейбох.

Инга не стала вступать в полемику. Ее внимание привлекли музыканты, которые закончили устанавливать свое оборудование и теперь пробовали звук.

«Живая» музыка в ресторанах и кафе – обязательный атрибут приморских городков. Обычный репертуар – выходящие из моды попсовые хиты, чередующиеся с прокуренным шансоном и бессмертным лидером курортного хит-парада – «Владимирским централом».

Музыканты закончили последние приготовления, и на площадку вышла певица. Инга бросила на сцену равнодушный взгляд и повернулась к новым приятельницам: Машка как раз начала под одобрительное хихиканье девчонок рассказывать какую-то смешную байку. Но и рассказ, и смех тут же потонули в первых аккордах до боли знакомого вступления. Инга вздрогнула от неожиданности и, совершенно не беспокоясь о том, что покажется невежливой, отвернулась к сцене, намертво приковав взгляд к певичке.

...Вот уж не думала, что столичные новомодные веяния так быстро докатятся до провинциальных черноморских городков... И что в репертуаре местных музыкантов рядом с попсой и шансоном может соседствовать *другая* музыка. Каждая нота, каждое слово впивались в душу беспощадными гвоздями, оставляя кровоточащие раны. Популярность Лёки и впрямь движется семимильными шагами, раз ее песни, лишь недавно прозвучавшие в столичных эфирах, уже перепевают провинциальные певицы – отчаянно фальшивя, неправильно расставляя акценты, с надрывом выводя верхние ноты, отчего исчезает Лёкина искренность. Ей, этой ресторанной певичке, просто катастрофически не шла песня. Не для ее голоса, не для расшитого люрексом топа, еле прикрывающего полную грудь, не для выбеленных перекисью кудрей, не для жеманно-пухлых губ, с тщательностью выговаривающих каждую букву... Инга, на мгновение прикрыв глаза, вспомнила Лёку: ее подростковую угловатость, вздернутый подбородок и магию сильного голоса. Лёкины песни в ее исполнении не были песнями, они были сокровенными мыслями, тайной болью, протестом, спекающимся с отчаянием. Ее песни были и остаются ее душой, которой она интимно делится со слушателем. Маленькая взрослая девочка, так долго не верившая в свой талант и собравшая сейчас самые сливки признания и славы. Девочка, которая на алтарь своего таланта положила самое ценное, что у нее тогда было, – любовь. «Инга, ты меня простишь?..»

– ...Инга? Инга, ты чего?

Она, сморгнув, пришла в себя после недолгого наваждения и выдавила улыбку. Новые приятельницы взирали на нее с беспокойством.

– Инга, что-то случилось? Ты как будто... выключилась, – Маша не стала церемониться в вежливых расшаркиваниях и сразу в лоб выдала свое беспокойство.

– Нет, ничего не случилось. Просто музыка... Она мне очень нравится. Любопытно, эта песня только недавно появилась в эфире, а ее уже исполняют здесь.

– А то! – гордо и с неким вызовом повела плечами Маша. – Что ж, думаешь, у нас тут совсем глухомань? И, кроме «Ой, цветет калина...», мы ничего не поем и не слушаем? Обижает, подруга!

Инга лишь молча улыбнулась. Да и что она могла сейчас сказать им, временным, как и ее пребывание в городе, приятельницам, о своем настроении, навеянном этой так неожиданно услышанной песней? Или ничего, или очень много. Слишком много.

Мария неожиданно вызвалась проводить Ингу. Распровавшись с Анной и Таисией на освещенной площадке перед рестораном, она по-свойски ухватила московскую приятельницу под локоть:

– На какой улице ты остановилась? И у кого?

– На Приморской. Сняла у одной женщины флигелек, – охотно пояснила Инга. И чуть не высказала вслух внезапно пришедшее желание прогуляться по улицам, по которым бегала в детстве.

Не высказала, потому что Мария опередила ее:

– Можем пойти туда, где ты когда-то жила. Это ведь от меня недалеко. Правда, сейчас очень темно, ты мало что увидишь, но прогуляться можно, если не торопиться.

– Мне некуда здесь торопиться, – сказала Инга, почти принимая Машкино предложение. – А ты разве не торопишься? У тебя ведь сын...

– Спит уже, – беззаботно махнула рукой Мария. – Я его с матерью оставила. Имею право на личную жизнь? Ну так как, пройдемся по местам нашего детства?

– М-м-м, в другой раз, – с сожалением отказалась Инга. – Не сегодня. Вернее, не ночью. Хочу *видеть*, а не только *понимать*, что нахожусь в уголке своего детства.

– Ладно, – легко согласилась Мария и, чуть помедлив, задала вопрос, который, видимо, мучил ее весь вечер: – Скажи, почему ты не приезжала сюда столько лет?

– Сама не знаю, – растерялась Инга. – Я приезжала – давно. Очень ненадолго. Навещала бабушку, пока та была жива. А потом как-то... Наверное, боялась, что родной город может позвать меня обратно.

– О-о, какая тонкая философия... Оправдания – и только, – заметила Маша.

– Возможно. Стыдно мне! Вадим и то чаще меня бывал здесь.

– И не объявлялся, – проговорила с обидой Мария. Видимо, ей очень хотелось повидаться со своей первой любовью. – Ты ему хоть привет от меня передай, ладно? Не забудь!

– Не забуду, – пообещала Инга.

– Как тебе мои подруги? – сменила тему Маша. – Понравились?

– Понравились. Давно дружите?

– Ну-у, по-разному... С Тайкой – еще с училища. Мы с ней вместе в торговом учились, в одной группе. Потом замуж вышли, друг за другом, только я вот развелась – еще четыре года назад, а она – трясется над своим браком.

– Я заметила.

Машка закурила и продолжила:

– Я работаю в продуктовом, как ты уже знаешь. Тайка устроилась в универмаг на полставки, работает по сменам. Ее муж – стоматолог в коммерческой клинике, неплохо обеспечивает семью. Так что Тайка вполне может позволить себе мало работать и больше времени уделять семье. – Тихо вздохнув, Маша добавила: – Эх, был бы у меня муж такой обеспеченный... Не знала бы я проблем!

– А Анна? – поспешно вернула Инга, не дожидаясь, когда Мария примется рассуждать на тему чужой материальной обеспеченности.

– Анька? Она у нас работает в школе, преподает литературу.

– Я почему-то так и подумала.

– А ничего другого подумать и нельзя! – весело поддакнула Мария. – Анька – типичная училка литературы, «тургеневская девушка» с томиком Ахматовой под мышкой. Она – дальняя родственница еще одной нашей подруги, Кристины: то ли сестра троюродная, то ли еще кто... Закончила педагогический, переехала в наш городок года два назад. С помощью Кристины и ее мужа обжилась здесь, устроилась работать в школу. Дружит со мной и Тайкой. А с кем ей еще тут общаться?

Мария сделала паузу, словно обдумывая что-то, и начала:

– Я с тобой, Инга, кое о чем поговорить хотела... Как я уже сказала, была у нас еще одна подруга – Кристина. Тайкина одноклассница. Тоже с нами поступила в торговое, да потом вышла замуж и учебу бросила. Муж ее, Алексей Чернов, – очень состоятельный человек, «рыбный барон», как у нас его называют. В общем, Кристина наша очень удачно вышла замуж, отхватила такого мужа, все равно что короля. Ну да и красивая она очень... была.

Мария споткнулась на последней фразе и после недолгой паузы скороговоркой проговорила:

– Кристина умерла от какой-то непонятной болезни год назад. Сгорела так быстро, что врачи ничего не смогли сделать. Рак – не рак, непонятно что... Так и не выяснили. Но я тебе это вот к чему рассказываю. Ты говорила, что стала психологом?



– Ну, вообще-то... – начала было Инга, но Мария, не дав ей договорить, затараторила:

– Понимаешь, какое дело... У Кристины девочка осталась. Восемь лет, забавная девчушка, умненькая. Только после смерти матери она онемела. Не говорит ни слова. Алексей Лизу по каким только врачам ни таскал! Сейчас они из Питера вернулись: ездили к какому-то там светилю. Я сегодня днем с Алексеем встретила, так он пожаловался, что от всех этих поездок по врачам толку никакого. Доктора сходятся на том, что девочка онемела в результате психологической травмы, и лишь высказывают надежды, что когда-нибудь Лиза заговорит. От этих обещаний, как сама понимаешь, пользы мало. Алексей очень переживает. Да и мы, Кристиныны подруги, не можем оставаться безучастными к этому горю. Инга, ты не могла бы с этой девочкой увидеться?

Инга, никак не ожидавшая подобного предложения, застыла от удивления:

– Зачем?

– Как «зачем»? Ты же ведь психолог? Может, тебе как специалисту удастся...

– Маш, это исключено! – запротестовала Инга. – Во-первых, я не детский психолог. Во-вторых...

Что «во-вторых», Инга не успела придумать, и Мария тут же воспользовалась ее неуверенностью:

– Что «во-вторых»?.. Ты, главное, только согласишься, а дальше все вопросы будут улажены! Отец девочки – далеко не последний человек в нашем городе. Да что там в городе! Во всем крае! Не сомневайся, он щедро заплатит тебе за услуги.

– Маша! Дело не в деньгах! Деньги у меня свои есть. В общем, я пока тебе ничего не могу обещать, ты меня своей просьбой застала врасплах.

– Ладно, подумай, – отступила Мария. – Но я бы поговорила с Алексеем, и он бы не отказался от твоих услуг.

– Подожди, Машка, подожди! Не говори с ним на эту тему, пока я не дала согласия. Мне нужно подумать, хорошо?

– Ладно-ладно, – поспешно проговорила подруга. – Только ты постарайся. Одна встреча, не убудет же с тебя!

– Посмотрим, – вздохнула Инга и, увидев «свой» дом, с облегчением проговорила: – Мы уже пришли.

Прежде чем уйти, Маша взяла с Инги обещание подумать и в ближайшее время дать ответ. Только после этого она успокоилась и радостно провозгласила:

– Ох, Дохновская, если бы ты знала, как я рада была тебя встретить!

– А я-то как рада, – с иронией отозвалась Инга, намекая на Машину просьбу. И они обе рассмеялись.

## Глава 3

Алексей проработал за компьютером полночи и уснул, едва коснувшись щекой подушки. В последнее время ему редко удавалось заснуть так быстро. Обычно он долго ворочался в кровати, вставал, спускался на кухню выпить воды, зачем-то бродил по комнате и, только завершив этот долгий «ритуал», наконец-то засыпал.

Погружаясь в сон, он еще успел подумать, что устал быть «рыбным бароном» и что ему хочется продать этот дом, который хранит слишком много воспоминаний, и переехать с дочерью в какое-нибудь другое место. Москва отпадала по той причине, что для девочки, выросшей на экологически чистых продуктах и целебном морском воздухе, столичная загазованная атмосфера не будет полезна. Может, податься куда-нибудь в глубинку – к деревенскому молоку, душистому сену, крепким лошадям? Алексей даже улыбнулся наивности подобной мечты, но все же идея ему понравилась. А еще можно было бы переехать за границу, туда, где тоже есть морское побережье... Мечты плавно слились со сном, и вот уже Алексей подсаживает смеющуюся Лизу на коренастого деревенского коня-тяжеловоза.

– Не продавай дом! Я не хочу!

Голос, прозвучавший громко и отчетливо, выхватил из сна внезапно, словно резкая трель будильника.

– Лиза? Лизка, ты? – Алексей тут же вскочил.

Голос, разбудивший его, мог принадлежать дочери. Голос, который он уже почти год мечтал услышать... Ему даже не пришло в голову, что Лиза, даже если она чудесным образом заговорила, никак не могла произнести подобную фразу, просто потому что его желание продать дом было *мысленным*.

– Лиз? – Алексей быстро нащарил рукой выключатель настольной лампы и включил свет.

Комната была пуста. А кто еще мог в ней находиться, кроме него самого? Однако Алексей был настолько уверен в том, что сейчас увидит свою дочь, что застонал от разочарования.

Нет, Лизкин голос ему не приснился... Лиза в его сне смеялась, ее занимала крупная добродушная «коняка», а не вопрос о продаже дома. Бред... Слуховые галлюцинации? Видимо, ему настолько сильно хочется услышать дочкин голос, что он ему уже мерещится. Чтобы развеять последние сомнения (или надежды), Алексей поспешно натянул домашние штаны и вышел из комнаты.

Лиза крепко спала, трогательно обнимая во сне уже изрядно потертого плюшевого Тэдди – медвежонка, которого он привез ей из Англии. Алексей немного постоял над спящей дочкой, любясь ее разметающимися по подушке черными кудрями и точеным, еще по-детски кукольным профилем. Девочка подрастет и превратится в настоящую красавицу. Маленькая принцесса... Она так раньше и говорила: «Я, когда вырасту, стану принцессой! Правда, папа?»

– Правда, – тихо, с горечью проговорил Алексей и вышел из комнаты.

Вряд ли ему теперь удастся быстро уснуть. Он обошел весь дом. «Одинокое привидение патрулирует свои владения», – усмехнулся собственным мыслям, направляясь на кухню за «ритуальной» чашкой воды. Просыпаясь среди ночи, Алексей всегда испытывал жажду.

Споласкивая чашку, он неожиданно обнаружил в раковине скомканную мокрую тряпку. Невнимательность домработницы или Лизкина неряшливость? Алексей терпеть не мог кухонные тряпки, которыми моют посуду или вытирают стол, о чем сразу же предупредил домработницу при приеме на работу. Он настоятельно попросил ее не оставлять подобные «интимные» вещи кухонной утвари на виду. И вот, пожалуйста... Брезгливо морщась, Алексей двумя пальцами вытащил из раковины мокрый комок и только тогда заметил, что *это* было вовсе не кухонной тряпкой, а шелковой косынкой его покойной жены. Той самой, которую он подарил ей незадолго до смерти.

\* \* \*

Инга проснулась рано, как ни странно, выспавшаяся, несмотря на то что ресторанный «девичник» окончился далеко за полночь.

Ей приснилась бабушка – впервые за последние несколько месяцев. Бабушка иногда снилась ей и через сон, служащий связующим мостком между берегами разных миров – реального и потустороннего, давала ценные советы. В особо трудные моменты жизни Инга сама прибегала к ритуалу на вещий сон, чтобы спросить совета.

– Ты у меня умная и хорошая девочка, – говорила бабушка и ласково гладила внучку по заплетенным в косы волосам.

В этом сне Инге было десять лет. Они с бабушкой сидели на веранде своего дома за деревянным старым столом. На клеенчатой скатерти, выцветшей на солнце, стояла огромная миска, полная спелой черешни. Эту черешню Инга якобы нарвала в соседском саду, и бабушка с ласковой улыбкой журила ее за шалость.

– Бабушка, это не моя черешня... – Инге хотелось сказать, что ягоды она нарвала не для себя, а для брата, но бабушка, по-прежнему улыбаясь, перебила ее:

– Правильно, Инночка, это *чужая* черешня. Краденая. Не для меня, не для Вадика ты ее собирала. Ты залезла в чужой сад и собрала ягоды для других людей. И тебе же, Инночка, придется возвращать эту черешню. Ты опять помимо воли сунулась туда, куда не должна была соваться.

– Я никуда не совалась, бабушка! – возмутилась Инга и хотела добавить, что это брат подбил ее забраться в чужой сад, но бабуля опять оказалась проницательной:

– На этот раз, Инночка, Вадим ни при чем. Ты уже взяла его беды на себя – в прошлый раз. Тебе, Инночка, придется отдать это. И помни о том, что сорванные ягоды обратно на дерево уже не вернешь. А коли уж ты их сорвала, подумай, как тебе объясниться и с хозяевами, и с теми людьми, для которых ты рвала ягоды, но которым они не должны достаться...

Проснувшись, Инга еще долго лежала в постели, размышляя над увиденным. Бабушка никогда не снилась ей просто так, и все, что она говорила, потом находило объяснение. Жаль, частенько бабуля говорила загадками, вместо того чтобы дать прямой совет. Вот и сейчас наверняка хотела предостеречь внучку от каких-то неправильных действий. Сорванная в чужом саду черешня – лишь метафора.

Из всего сна понятным был лишь один момент, уже имевший место быть в недавнем прошлом: «На этот раз Вадим ни при чем. Ты уже взяла его беды на себя – в прошлый раз». Не так давно Инге пришлось распутывать историю, связанную с проклятием, в которой помимо своей воли оказались замешаны брат и его девушка. Вадим бы погиб, если бы Инга не разгадала вовремя старинное предсказание и не нашла способа разрушить проклятие. Да только вот сама она при этом потеряла свою силу и лишь чудом осталась жива.

О чем же бабушка хотела ее предупредить? Куда ей не стоит соваться? Инга непонимающе наморщила лоб. Она и так никуда не суется! Она отдыхает, восстанавливает силы, зализывает сердечные раны. И ей нет дела до чужой черешни, незнакомых немых девочек, Машкиных «рыбных баронов» и снов-знаков. Здесь она не педагог-психолог, не ведьма-ворожейка (лишившаяся, между прочим, силы), а обыкновенная курортница.

Инга решительно прогнала все непрошенные мысли, так же решительно встала и, одевшись, вышла во двор.

– Доброе утро! – с улыбкой поприветствовала она хозяйку, которая с утра пораньше собирала с грядки свежие огурчики на продажу.

– Доброе утро, девочка! – ласково заулыбалась та. – Рано ты встала! Как спалось?

– Хорошо! – бодро ответила Инга и направилась к летней кухне – к умывальнику.

– Дорогая, в кухне на столе увидишь большую миску... – закричала ей в спину хозяйка. – Мой соседка, услышав, что у меня появилась первая постоялица, решил угостить тебя черешней из собственного сада! Так ты, милая, возьми ягодок с собой на пляж! Вкусные!

Инга вздрогнула от неожиданности: опять черешня! Бабушка во сне предупреждала ее... Впрочем, о чем это она? Обычные совпадения уже пытается толковать как знаки.

У нее нет прежней силы, она не может чувствовать и распознавать сигналы. Так неужели она теперь будет с параноидальной мнительностью повсюду выискивать знаки – в память о прежних способностях? Как дезертировавший с поля боя солдат, которому теперь везде мерещится осада...

Умывшись, Инга прошла в летнюю кухню и назло своей мнительности положила в заботливо припасенный хозяйкой пакет три хорошие горсти ягод.

Для купания вода в море еще недостаточно прогрелась, но солнце уже щедро дарило тепло и окрашивало легким заггаром бледную с зимы кожу.

Время неторопливо приближалось к полудню. Инга, разморенная солнечными лучами и убаюканная шепотом прибоя, задремала. Ей снилось, что она у себя в квартире, сидит за кухонным столом, виновато понурив голову, а брат, нервно меряя шагами кухонное пространство, за что-то ей выговаривает:

– На тебя вся надежда! Только на тебя! И ты не хочешь помочь мне! Почему ты отказываешься, если знаешь, что только от тебя зависит, буду ли я...

Но что именно хотел сказать ей Вадим, Инга так и не узнала, разбуженная легким, но неожиданным хлопком по спине. Резко перевернувшись, она увидела рядом с собой детский надувной мяч. Придержав его ладонью, чтобы мяч снова не отнесло ветром, Инга огляделась и заметила темноволосую девочку лет восьми-девяти. Девчушка стояла в сторонке, не решаясь подойти: видимо, боялась, что ее будут ругать.

– Твой? – с улыбкой спросила Инга, и девочка, все так же не сделав ни шагу по направлению к ней, молча кивнула.

– Держи! – Инга с мячом в руках подошла к девочке. – Он очень красивый!

Девочка молча взяла мяч, застенчиво улыбнулась и вдруг развернулась и убежала. Инга с улыбкой проводила девчушку взглядом и вернулась к своим вещам.

Собираясь домой на обед, она подумала, что, пожалуй, уступит Машиной просьбе и встретится с дочкой ее подруги.

\* \* \*

– Какие новости?

Двое мужчин неторопливо прогуливались по полупустому пляжу вдоль кромки воды. Набегавшие на берег волны лениво трогали босые ноги.

– Ничего нового. Ничего не произошло такого... – Ответ был неуверенный, словно человек чувствовал свою вину за то, что новостей нет.

– Вы опять забываетесь, дорогуша, – немедленно перебил первый собеседник. – Решаю я, но никак не вы. Итак?..

– По ней не скажешь, что она обладает Силой. По крайней мере, на первый взгляд. Она не проявляет себя.

– А что вы хотели, дорогуша? Во-первых, она и не должна идентифицировать себя как мага! Во-вторых, она и сама не знает, какой Силой обладает. Самородок. Ее способности проявились неожиданно, вследствие критической ситуации. То, что она сделала, может сделать лишь маг с редкими способностями и очень большой Силой. Слишком много от нее хотите,

милый мой! Вы как тот детектив из комиксов, которому для расследования убийства необходима визитная карточка, оставленная убийцей на трупе.

Второй собеседник заискивающе хохотнул, давая понять, что оценил шутку своего наставника. Однако тот не обратил на его смешок внимания, продолжая с увлечением говорить:

– Я хочу наблюдать, как она развивается, постепенно наполняется Силой, начинает чувствовать ее, удивляться ей, радоваться или, наоборот, пугаться. Это может происходить постепенно, а может – и рывком, под действием какой-нибудь ситуации. Но пока я не могу вплотную заняться ею, для этого еще не все готово. Сейчас самое главное следить, чтобы она по неосторожности не навредила себе. Для этого ты, дорогуша, и приставлен к ней. Если что-то случится, с тебя же первого шкуру и спущу.

## Глава 4

Вечер принес неприятный сюрприз. Когда Инга, принарядившись для вечернего выхода, уже собиралась покинуть помещение, в дверь тихонько постучали. На пороге стояла хозяйка:

– Девочка, тебя тут спрашивают...

– Меня? Ну, пусть заходят, – Инга немного удивилась. Спрашивать ее могла только Маша, с которой она как раз и собиралась встретиться. Что могло случиться такое, что подруга пришла гораздо раньше назначенного времени и не в условленное место встречи возле памятника морякам-черноморцам, а к ней домой?

– Проходите, проходите, – засуетилась хозяйка, с неожиданной почтительностью пропуская гостью во флигелек.

Но вместо ожидаемой Машки Инга увидела высокого крупного мужчину лет тридцати трех-тридцати пяти.

– Здравствуйте, – озадаченно поздоровалась Инга.

– Здравствуйте. Вы – Инга? – без улыбки, по-деловому спросил мужчина.

Когда она ответила утвердительно, он вытащил из кармана сложенный пополам почтовый конверт.

– Здесь – некоторая сумма. Я не знаю, сколько вы берете за прием, но за деньгами дело не станет, главное, чтобы был эффект.

– Простите, – с легкой усмешкой перебила незнакомца Инга. – Я не знаю, кто вы и по какому вопросу ко мне пожаловали.

– Я думал, Мария вас предупредила... – Мужчина озадаченно вскинул брови, но уже через секунду с достоинством представился: – Я – Алексей Чернов, отец Лизы. К сожалению, у меня мало времени, поэтому я сразу перешел к делу. Когда вам удобно приехать?

– А кто вам сказал, что я собираюсь приехать? – усмехнулась Инга и про себя ругнулась на Машку: ведь просила же ее по-хорошему ничего пока не говорить этому Чернову.

– Не понял... – Алексей в недоумении уставился на нее и, решив, что, возможно, ошибся, еще раз уточнил: – Вы – Инга? Приехали из Москвы?

– Да, я – Инга. И приехала из Москвы. – Этот разговор начал раздражать. Она нетерпеливо глянула на наручные часы: на встречу к Машке уже опаздывает.

– И вы – психолог или кто-то там еще...

– Да, и я – психолог. Ну, и «кто-то там еще», – передразнила Инга и сощурилась: – Скажите, Алексей, вы всегда решаете свои дела вот такими набегами? Нахрапом? Конверт с деньгами на стол – и все дела решены. Так, да?

– Послушайте, я вас попросил... – раздражаясь, сквозь зубы проговорил Алексей.

– Нет, просить вы еще не начинали!

– А я никогда ничего не прошу!

– Это я уже поняла, – вздохнула Инга и накинула на плечо ремешок сумочки, давая понять незваному гостю, что время его визита истекло.

Алексей смерил ее презрительным взглядом, сунул конверт обратно в карман и, развернувшись, стремительно вышел.

Инга присела на край кровати и шумно перевела дух. Она еще выскажет Машке по поводу ее «протезе»... Инга была не против встречи с девочкой, но на манеру Чернова вести дела не могла отреагировать иначе.

Маша говорила, что Чернова в этих краях именуют «рыбным бароном»? Смешно! Типичный «браток» он, а не «барон». Полное отсутствие интеллигентности и в поведении, и в облике. «Шкаф» два на два, с тяжелой нижней челюстью и коротко стриженным затылком.



Решив, что обходительный «рыбный хозяин» успел уехать, Инга обулась и вышла во двор. Возле калитки ее ожидали Мария и Анна. Вид у подружек был несколько обескураженный.

– Инга, что случилось? – встревоженно спросила Маша, едва Инга вышла за калитку, и указала рукой в сторону пыльной дороги, по которой, видимо, умчался на своем авто Чернов. Анечка, испуганно округлив глаза, переводила взгляд с одной приятельницы на другую.

– Это я у тебя хотела спросить, что случилось, – съязвила Инга. – Это и есть тот самый папаша? Приятный и, главное, очень интеллигентный человек! Сама обходительность... Мария, предупреждать надо о таких гостях! И вообще, я тебя, кажется, просила пока ничего не говорить ему обо мне.

– Извини, я проговорила Алексею сегодня, – потупилась Мария. – Хотела сказать тебе сейчас, но не думала, что он меня опередит.

– Конечно, мы – пешочком, а он – на машине. Что ж тут удивляться, что он обогнал нас? – Анечка неожиданно показала, что тоже умеет язвить.

– Ладно, чего уж там... – Инга примирительно махнула рукой и, меняя тему, поинтересовалась: – Куда пойдем?

– Прогуляемся по набережной, – быстро ответила Мария и с надеждой спросила: – Так о чем вы с Алексеем договорились?

Анну, видимо, эта тема тоже горячо интересовала, потому что она, чуть приоткрыв рот, уставилась на Ингу в ожидании ответа.

– Да ни о чем мы с ним не договорились, – с легким раздражением обронила Инга и, закрывая тему, кивнула в сторону набережной: – Идем?

\* \* \*

Алексей вернулся домой разъяренный. Что эта девица себе позволяет? Да как она вообще разговаривает? Он так и видел прищуренный взгляд ее серых глаз – холодный, как сталь, и надменный. Фифа. Тьфу! Избалованная московская стервочка она, а не психолог. Даже если у нее и имеется диплом психолога, то наверняка купленный – богатым папенькой, дядей или любовником. Жаль времени, которое он на нее потратил.

Алексей, отчаянно про себя ругаясь и перескакивая через ступеньки, взлетел на второй этаж.

– Нин Пална! Нин Пална!!! – Его зычный голос наполнил весь дом. И тут же раздались торопливые шаги по лестнице: домработница вышла из своих кухонных хоров и спешила узнать, по какому поводу хозяин развопился на весь дом.

– Добрый вечер, Алексей Юрьевич. Звали?

– Да! – рявкнул Алексей и одарил домработницу таким взглядом, словно на ее месте неожиданно оказалась не добродушная пожилая женщина, а московская фифа. – Кофе хочу, Нин Пална.

– А как же ужин?

– Нет, не хочу есть. Кофе сделайте, пожалуйста, я сейчас спущусь. И посмотрите в аптечке что-нибудь от головы.

Он поморщился и потер ладонью лоб. Домработница еле заметно покачала головой, не одобряя отказ от ужина, но настаивать не стала, зная, что это приведет разве что к дополнительной вспышке раздражения хозяина.

– Как Лиза? – спросил Алексей. Не стесняясь пожилой женщины, стянул через голову «шведку» и швырнул ее на кровать.

– Девочка – хорошо. Мы до обеда гуляли с ней по пляжу. После обеда Лизонька немного поспала, потом я накормила ее ужином. Сейчас она в своей комнате – читает.

– Ладно...

В это его «ладно» был вложен многогранный смысл: и удовлетворение, что с дочкой все в порядке, и сокрушение по поводу того, что ему некогда заниматься с ней. И что он даже не может найти своей дочке хорошую постоянную няню, а домработнице, временно взявшей на себя эти обязанности, следует прибавить зарплату.

Нина Павловна расценила хозяйское «ладно» по-своему: деликатно удалилась из комнаты, отправилась на кухню готовить кофе и искать таблетку от головной боли.

Алексей переоделся в домашние джинсы и, присев на край кровати, обхватил ладонями раскалывающуюся от боли голову. Все же надо бы в ближайшее время решить вопрос с няней.

Иногда – в случае острой необходимости – ему случалось просить посидеть с Лизой кого-нибудь из Кристиновых подруг. Но ни одна из этих девушек не сможет работать у него няней. Лучше всех на эту роль подошла бы Тая, но у нее самой – двое пацанов, она не будет уделять Лизе столько внимания, сколько требуется. Машка чересчур легкомысленна. Она и собственного сына частенько оставляет на мать или соседку и отправляется на гулянки. А Анну Лиза почему-то на дух не переносит. Не слушается ее и устраивает бедной девушке всякие пакости. Лучше всего было бы найти пожилую женщину вроде Нины Павловны...

Алексей встал и, сдергивая с кровати «шведку», уронил на пол небольшой предмет. Судя по негромкому стуку, это должна быть зажигалка, которая, возможно, выпала из кармана его брюк. Алексей присел и, внимательно оглядев пол, обнаружил рядом с ножкой кровати вместо предполагаемой зажигалки заколку для волос. Наверное, дочь заходила сегодня в его комнату и потеряла ее здесь. Алексей сунул заколку в карман джинсов, чтобы по пути на кухню заглянуть к дочери, поздороваться с ней и вручить свою находку.

Дочку он увидел сразу, как только вышел из своей спальни: Лиза подходила к библиотеке, располагающейся в другом конце коридора.

– Лиза! – окликнул он дочь, но та, не услышав, уже скрылась за дверью.

«Видимо, дочитала своего Гарри Поттера, пошла за новыми сказками», – предположил Алексей, направляясь за дочерью. Он не возражал против того, чтобы Лиза хозяйничала в семейной библиотеке, наоборот, всячески поощрял ее интерес к книгам. Главное, чтобы она не забиралась в его кабинет и не трогала бумаги и компьютер. Впрочем, дочка отлично усвоила, что папин кабинет – это только его территория, посягательство на которую карается строгим выговором.

– Лиза, добрый вечер! – поздоровался Алексей, открывая дверь библиотеки. Но, переступив порог, обнаружил, что дочери здесь нет. Странно... Он же своими глазами видел, как она входила сюда, и минуты не прошло.

– Лиза? Ты здесь?

Чернов обошел небольшое помещение, словно надеясь, что дочка притаилась где-нибудь между книжными шкафами, заглянул под стол – на всякий случай. Не смешно... Уже не смешно. Алексей шумно выдохнул и, еще раз оглядев библиотеку, опустился в кресло. Теперь к слуховым галлюцинациям прибавились и зрительные. То ему среди ночи слышится дочкин голос, то он видит ее саму, входящую в библиотеку. А может, ему просто показалось, что Лиза вошла сюда, а на самом деле она все-таки зашла в его кабинет, соседствующий с библиотекой?

Алексей вскочил и ринулся в соседнюю комнату. Если бы он сейчас застал Елизавету на запретной территории, он бы не рассердился на нее, а наоборот, обрадовался. И пусть бы Лизка тайком пыталась включить его компьютер или рылась в ящике стола в поисках «интересненького», но лишь бы она была там.

Лизы в кабинете не оказалось.

– Черт побери! – громко выругался Алексей и в сердцах стукнул кулаком по компьютерному столу. То ли у него на самом деле стали возникать галлюцинации, то ли Елизавета в очередной раз затеяла свою странную и непонятную игру в прятки.

По пути на кухню он на всякий случай заглянул в комнату дочери. Пусто. На столе лежала раскрытая книга про Гарри Поттера. Было ощущение, что Лиза вышла совсем ненадолго.

– Ничего не понимаю... Мне кто-нибудь объяснит, что творится в этом доме?! – проорал он неизвестно кому и, круто развернувшись на пятках, покинул комнату.

– Нин Пална! Нин Пална!

Он бегом спустился по лестнице.

– Что случилось, Алексей Юрьевич? – Домработница испуганно выскочила из кухни, вытирая руки о передник.

– Вы Лизу сейчас не видели?

– Нет, – ответила Нина Павловна и с тревогой, смешанной с любопытством, посмотрела на хозяина. – Что-то случилось?

– Да нет... Ничего не случилось, – Алексей с досадой махнул рукой и, обойдя домработницу, прошел в столовую.

Нина Павловна засемила следом.

– Алексей Юрьевич, я приготовила вам кофе! И таблетку нашла – цитрамон. Подойдет?

– Подойдет.

– А может, все же покушаете? Я приготовила вкусный ужин! Все еще горячее...

– Давайте, – вздохнув, покладисто согласился Алексей.

Домработница обрадованно засуетилась, собирая на стол.

– Нина Павловна, скажите, а Лиза при вас... никуда не пропадает?

– Господь с вами, Алексей Юрьевич! – Вопрос застал женщину врасплох. Она отложила половник, которым собиралась налить суп в тарелку. – Нет, нет, что вы! Ничего подобного не случилось! Я уж, Алексей Юрьевич, стараюсь следить за девочкой! Гулять мы ходим вместе, от меня она никуда не убегает, слушается. Золотая девочка!

– Да нет, я не это имел в виду. Скажите, Лиза дома... никуда не прячется? Ну, бывает так, вы ее ищите, ищите, зовете, она не откликается. А потом неожиданно появляется откуда-то с невозмутимым видом, будто ничего и не произошло?

– Нет, – покачала головой Нина Павловна, с некоторым страхом глядя на Чернова.

Почему тот задает такие странные вопросы? Чем-то недоволен? Или девочка как-то проявила свое недовольство?

– Нет, не бывало такого. Да я большей частью тут, на кухне. Да по дому... Сами знаете, работы у меня сколько, – пожаловалась женщина. Но тут же, спохватившись, что хозяин решит, будто она за домашними хлопотами не следит за девочкой, поспешно добавила: – Но Лизочка у меня всегда под присмотром!

– Ладно... – вздохнул Алексей, пододвигая к себе тарелку с супом, которую поставила перед ним домработница.

Когда он заканчивал ужинать, в кухне объявилась дочка.

– Лизочка, будешь кушать? А чаек пить с папой? – снова засуетилась Нина Павловна.

Лиза на «будешь кушать» энергично замотала головой, а пить с папой чай согласилась.

– Добрый вечер, Лиз, – как можно приветливее поздоровался с дочерью Алексей. Все вопросы, которые вертятся на языке, он задаст ей позже – в ее комнате, тет-а-тет.

Лиза посмотрела на отца огромными и черными, как у покойной матери, глазами и важно кивнула в знак приветствия. Обеими руками поднесла ко рту большую кружку с чаем, которую перед ней поставила Нина Павловна, она с шумом отпила. Алексей недовольно поморщился:

– Лизка, ну сколько можно повторять. Красивые девочки так шумно не пьют! Это неприлично!

Дочка бросила на него короткий взгляд и отпила чай с еще большим шумом. Алексей вздохнул: делает назло.

– Лиза, любой принц отвернется от принцессы, которая так некрасиво пьет чай! Скажет, что это – не принцесса, а подделка!

Дочка, поставив кружку на стол, усмехнулась совсем по-взрослому.

«Как это я могу быть „подделкой“? Что ты, папочка...» – читалось в ее насмешливом взгляде.

– Беда с тобой... – тихо пробормотал Алексей.

И что ему с такой «принцессой» делать? Лиза после смерти матери очень изменилась. Повзрослела. Какие недетские мысли бродят в ее голове? Казалось бы, пережитое горе должно было сблизить их еще больше, но произошло все наоборот. Лиза настолько отдалилась от него, что иногда ему начинало казаться, будто дочь ненавидит его. Возможно ли такое?

Он постоянно чувствовал свою вину перед дочерью. За то, что не сумел уберечь ее маму от смерти: не заставил Кристину вовремя обратиться в клинику, не нашел доктора, который спас бы ее. За то, что так мало занимается дочерью, уходя с головой в работу. За то, что все его попытки вновь сблизиться с ней – слишком ничтожны, чтобы принести результат. За то, что не может сейчас найти хорошего доктора, который бы «разговорил» Лизу. И за тот досадный эпизод в его жизни, короткое помешательство, о котором дочка не знает и не должна знать, но который до сих пор лежит камнем на душе.

Лиза тем временем допила чай и, с шумом отодвинув стул, встала из-за стола.

– Лиза, я к тебе сейчас приду, – крикнул ей вслед Алексей.

Дочь удалилась, никак не отреагировав.

– И что прикажете делать? – Чернов, дав слабину, обратился с риторическим вопросом к наблюдавшей за этой сценой Нине Павловне.

– Девочке внимание нужно. И ласка, – провозгласила домработница.

– Да я и так уже... Не идет она со мной на контакт! А раньше ведь совсем другая была. Веселая и смешливая, – с горечью произнес он, тоскуя по недавнему счастливому времени и, не дожидаясь комментариев домработницы, поспешно вышел в коридор.

Лиза в своей комнате читала «Гарри Поттера». Алексей тихо вошел и присел на краешек кровати.

– Ну, что там пишут, в твоей книге? – попытался он наладить контакт.

Лиза, не прекращая своего занятия, пожала плечами.

– И кто такой Гарри Поттер?

На этот раз Лиза оторвалась от книги, повернулась к отцу и посмотрела на него с таким изумлением и возмущением, будто он только что проявил непростительное невежество.

«Ка-ак? Ты не знаешь, кто такой Гарри Поттер?! Папочка, ты совсем отстал от жизни!»

– Да, я не знаю, кто такой Гарри Поттер, – сказал он и с упреком посмотрел на дочь: – Ты же ведь не хочешь рассказать своему непросвещенному папочке, кто это такой. Если бы ты рассказала мне, я бы знал. Возможно, мне бы тоже понравился этот... Гарри.

Лиза, поднявшись, потянулась к книжной полочке над столом, сняла с нее книгу и всучила ее отцу.

– «Гарри Поттер и философский камень», – прочитал Алексей. – Предлагаешь мне это почитать?

Лиза с улыбкой кивнула.

– Ну что ж, почитаю... Перед сном.

Новость, что папа тоже будет читать сагу о волшебнике, развеселила девочку. Она засмеялась и села рядом с отцом. И Алексей, пользуясь расположением дочери, спросил:

– Лиза, я хочу знать, куда ты все время прячешься от папы? Что это за игра, правил которой я не знаю?

Она подняла на него лицо, посмотрела долгим серьезным взглядом, а затем покачала головой.

– Лиза, дочка, я хочу тебя понять! Мне очень больно оттого, что ты так часто прячешься от меня. Если твой папочка постоянно занят работой, это не значит, что он тебя не любит! Ты почему-то сердишься на меня... Так?

Девочка, не поднимая глаз, покачала головой и, прыгнув с кровати, вернулась обратно за стол – к раскрытой книге.

– Это хорошо, если ты на меня не сердишься, – вздохнул Алексей и тоже поднялся.

Сделав по комнате круг, он подошел к столу, взял дочкин альбом для рисования и ручку.

– Хочешь, мы с тобой вместе пойдем гулять? Папа не будет завтра работать, и мы пойдем в кафе-мороженое, а потом – гулять вдоль берега моря. Будем собирать красивые камешки. Хочешь?

Лиза, еще не совсем веря услышанному, кивнула.

– Отлично! – воодушевился Алексей. – Так и быть, завтра я поведу тебя есть мороженое! Обещаю! Только ты для папы тоже сделай кое-что. Ответь на вопрос, где и почему ты прячешься от меня? Я не стану тебя ругать, что бы ты мне ни ответила. Вот, напиши ответ...

Алексей пододвинул к дочке раскрытый альбом и сунул в пальчики ручку. Лиза перевела взгляд на чистую страницу, потом снова посмотрела на отца. Долго всматривалась в его лицо, словно искала доказательства тому, что он и правда не будет ее ругать, какой бы ответ она ни написала. И, вздохнув, неровными буквами вывела: «Я ХОЧУ ШОКОЛАДНОЕ МОРОЖЕНОЕ».

– Будет тебе шоколадное. И ванильное. Если хочешь, – кивнул Алексей и нетерпеливо указал пальцем на альбом. – Ну же, Лиз... Папа задал тебе вопрос.

«А ПОТОМ ПОЙДЕМ СОБИРАТЬ РАКУШКИ», – выдвинула следующее требование дочь.

– И ракушки. Лиза, ты шантажистка! И кто тебя научил подобным вещам?

Девочка хитро улыбнулась и написала: «ОБЕЩАЙ! НАПИШИ, ЧТО ТЫ ОБЕЩАЕШЬ!»

– Ладно, бог с тобой. Ну, где писать? – Алексей склонился над альбомом. Дочка тут же с готовностью вручила ему ручку.

«ОБЕЩАЮ МОЕЙ ЛЮБИМОЙ ДОЧКЕ ЗАВТРА ПОЙТИ С НЕЙ ЕСТЬ МОРОЖЕНОЕ И СОБИРАТЬ РАКУШКИ. ПАПА».

– Все? Лизка, я больше не намерен с тобой торговаться. Смотри, а то вдруг передумаю.

Девочка метнула на него сердитый взгляд и вывела на другом листе: «ЭТО БЫЛА КЛЯТВА. НЕЛЬЗЯ НАРУШАТЬ. НАПИШИ ПОДПИСЬ». И требовательно ткнула пальчиком, указывая, где нужно расписаться.

– Лизка, об этом в твоём «Гарри Поттере» пишут, как надо шантажировать папочек? Требовать с них расписки? – Алексей, хмурясь, поставил подпись под своей «клятвой». – Кто тебя научил этому?

«ТЫ», – написала Лиза и рассмеялась.

– Докатились... – проворчал Чернов, внимательно следя за тем, что дочка вновь выводит в альбоме.

«Я НЕ ПРЯЧУСЬ».

– Замечательно. Только куда ты все-таки пропадаешь? Это какая-то твоя игра, да? Ты играешь в «Гарри Поттера» или какой-то мультик?

Лиза отрицательно покачала головой.

«Я НЕ ИГРАЮ. ТЫ НЕ БУДЕШЬ МЕНЯ РУГАТЬ?»

– Не буду, Лиза. Я же ведь тебе уже сказал.

«ПООБЕЩАЙ!»

– Лизка, ну в самом деле! – На этот раз Алексей уже возмутился. – Я тебе обещаю! На словах! Давай обойдемся без повторных расписок! Ты просто напишешь мне, почему ты

прячешься и куда прячешься, и я тебя за это не буду ругать. А завтра, как и пообещал, поведу в кафе, а потом – на море собирать камешки и ракушки.

Лиза, сделав новую надпись, отложила ручку и подвинула альбом отцу.

«Я ХОЖУ К МАМЕ».

Алексей озадаченно уставился на страницу, долго перечитывал выведенные детским почерком слова, не зная, как отреагировать. Дочка замерла испуганным мышонком, опасаясь, что папа, вопреки своему обещанию, станет ее ругать.

– Девочка моя... Послушай, солнышко... – Он наконец-то оторвал взгляд от альбома и присел перед притихшей дочерью на корточки, взял ее маленькие ладошки в свои широкие ладони. – Мама умерла. Ты не можешь к ней ходить. Ты хотела сказать, что ходишь в мамину комнату и там сидишь какое-то время?

Лиза покачала головой и, взяв ручку, снова написала: «Я ХОЖУ К МАМЕ! ТЫ НЕ УМЕЕШЬ, А Я МОГУ!»

– Хорошо... Пусть будет так. Только ты в следующий раз предупреди меня, когда захочешь снова спрятаться... прости, пойти к маме. Чтобы папа не волновался и не искал тебя. Понимаешь, папа очень пугается, когда ты вот так прячешься! Папа думает, что его принцессу забрали плохие дяди, он ищет ее везде и очень тревожится. Если ты будешь говорить мне, что хочешь немного... побыть с мамой, я не буду так волноваться. Договорились?

Лиза неуверенно кивнула.

– Вот и хорошо! – Алексей повеселел, а про себя подумал, что, пожалуй, прочтает книгу, которую ему выдала дочь. Возможно, тогда он сможет понять, в какие странные игры играют современные дети.

– Я сейчас пойду немного поработаю... Я должен сейчас поработать, чтобы завтра не быть занятым и пойти с тобой гулять. Нина Павловна принесет тебе молоко, ты будешь умницей, выпьешь его и ляжешь спать. Ты же ведь хочешь, чтобы завтра поскорей наступило? Тогда нужно лечь спать пораньше, – проговорив все это с ласковыми интонациями, Алексей выпрямился, собираясь уйти. Но, вспомнив, вытащил из кармана джинсов заколку для волос и положил ее рядом с альбомом:

– Я нашел это у себя в комнате. Твое?

Лиза потянулась, было, за находкой, но неожиданно замерла и, сжав пальчики в кулак, отдернула руку.

– Что-то не так? – поинтересовался удивленный Алексей. – Это ведь твоя заколка?

Лиза, не глядя на него, покачала головой и, взяв ручку, вывела на альбомном листе: «МАМИНА».



## Глава 5

Инга долго не могла уснуть. Ей было грустно. Казалось бы, теперь все должно наладиться, самое страшное осталось позади, терять больше нечего. Соленый ветер и воздух, пахнущий морем, должны вызывать у нее предвкушение чего-то нового, хорошего, но вместо этого она думала о том, что предшествовало ее возвращению в город детства, о своих утратах.

Она думала о Лёке – милой взрослой девочке, вечном подростке, чьи песни оставляют в душе незаживающие раны. Она радовалась ее успеху и в то же время грустила о погибших отношениях. Их с Лёкой любовь, как и следовало ожидать, не выдержала напряженных графиков гастролей, записей в студиях, многочисленных интервью на радио и в прессе. Инга знала, что так будет, что им некогда станет видаться и даже созваниваться.

«Инга, ты меня простишь? – Когда они прощались, слезы в Лёкиных глазах были неподдельными. – Это и есть та жертва, которую ты мне предсказывала?.. Я во имя карьеры должна пожертвовать нашей любовью? Почему ты раньше мне не сказала?! Ты же ведь знала, знала!..» – в отчаянии прокричала она.

«Лёка, это – судьба, против нее не пойдешь. Что бы изменилось, если бы я сразу сказала тебе? Этой твой путь, становиться на котором я не имею права». Инга улыбалась, произнося эти слова, хотя внутри все разрывалось от боли. Она была счастлива за свою талантливую подругу, но в то же время глубоко несчастна и одинока в душе.

– Ты же ведь с самого начала знала... – тихо проговорила Инга и, сев на кровати, обняла руками колени. Но хоть она и знала заранее, чем закончится ее роман с Лёкой, – карты и в тот раз не обманули, – боль потери была невыносима. Остались воспоминания, песни и интервью на радио и в газетах. Да еще было одно письмо по электронной почте, в котором Лёка, поддавшись настроению, ностальгировала по их ушедшим отношениям. Письмо Инга удалила. Возврата к прошлому нет.

Еще она думала о дяде. О том, что *не почувствовала*, что он смертельно болен. А ведь она так гордилась, что может чувствовать все, что происходит с ее близкими, и даже предугадывать некоторые события! Не почувствовала, не предугадала... И карты промолчали, и чутье отказало. И сон, в котором бабушка сказала ей о скорой смерти дяди, неправильно истолковала. Думала лишь о том, как спасти брата и его девушку. Если бы она узнала, что дядя болен раком, раньше, возможно, сумела бы ему помочь – когда у нее еще была Сила.

Она могла бы подумать и о себе: о том, что сама лишь чудом осталась жива, о том, что пожертвовала Силой, чтобы отвести беду от брата. Но об этом как-то не думалось. Инга сожалела лишь о том, что теперь, став обыкновенной, с интуицией, как у сапога, не сможет больше быть Вадькиным «ангелом-хранителем». Она не почувствует, если ему будет угрожать опасность. И не сможет помочь ему и его жене, если вдруг потребуется помощь. Заговоры, ритуалы – все это осталось с ней лишь как теоретические знания. А Силы больше нет.

Инга, не выдержав гнета нерадостных дум, встала и зажгла свет. При свете переживания становятся менее острыми. Наверное, страхи, тоска и депрессия живут во мраке, там их дом. Они питаются темнотой как основным блюдом и множатся, разрастаются на благодатной почве.

Она походила по маленькой комнате взад-вперед, избавляясь от остатков тоски. Глупо грустить и тосковать о том, что уже произошло, чего нельзя поправить. Она приехала сюда, чтобы отдохнуть, хотя бы немного восстановить душевные и физические силы, чтобы после вернуться в Москву бодрой и посвежевшей. У Вадима с Ларисой скоро родится ребенок – это будет радостное событие. Лучше думать об этом.

Инга вернулась к кровати и вытащила из-под нее чемодан. Все равно ей сейчас не уснуть, а карточный расклад поможет отвлечься от грустных мыслей.

Рассматривая выпавшие карты, она не удержалась, чтобы не присвистнуть. Со времени утраты Силы Инга не гадала, и как теперь быть уверенной в том, что карты по-прежнему ее слушаются? Однако, как бы там ни было, расклад вышел любопытным.

Новые знакомые, новые отношения – в этом не было ничего удивительного, карты отразили настоящее. Но, однако, предупредили о том, что среди выпавших «дам» есть одна, от которой стоит ждать неприятностей. Инга хмыкнула: вот уж отдохнуть хотелось бы без женских интриг. Еще расклад позабавил любовными отношениями с неким «королем». На этот раз Инга весело усмехнулась: отношения с мужчинами у нее катастрофически не складывались, несмотря на то что и умом бог ее не обидел, и внешностью. Давнее предательство любимого привело к тому, что она разучилась доверять. Но карты упорно сулили в скором времени роман с «королем».

Однако следующая комбинация заставила Ингу отнестись к раскладу настороженно, не как к развлечению. Вокруг нее – много людей. Осиное гнездо, которое она может растрезвочить. Карты настоятельно рекомендовали не идти на поводу чьих-либо просьб и не ввязываться ни в какие, даже кажущиеся невинными дела. За всем этим стоит опасность.

– Да и не хочу я ни во что ввязываться! Я отдыхать приехала, – вслух сказала Инга и собрала карты.

Во сне бабушка тоже пыталась предупредить ее о чем-то похожем: просила не соваться в «чужой сад» и сокрушалась по поводу того, что Инга туда полезла. Конечно, было бы приятно думать, что карты врут или сгущают краски, но сон... Бабушка уж точно никогда ее не обманывала.

Инга вздохнула и снова разложила карты, на этот раз загадав, к чему может привести то, если она все же ввяжется в пока еще неизвестное ей дело. Карты выдали полный набор «страшилок»: и предательство, и разбитые чувства, и опасность, которой будет подвергнута она и близкие ей люди. Чем все это закончится, карты не сказали: либо и сами растерялись от предсказанной беспросветности, либо побоялись выкинуть финальную комбинацию, после которой уже ничего не может быть. Весь расклад был помечен знаком смерти.

– Лучше не ввязываться ни во что, – озабоченно ероша волосы пальцами, сокрушенно пробормотала Инга. – Буду только ходить на пляж, загорать и читать. Больше ничего я здесь делать не буду.

Вытащив наугад из колоды последнюю карту, она выложила ее сверху всего расклада. Карты в качестве «утешительно приза» робко пообещали ей некое Возрождение. – Ай ли? – скептически ухмыльнулась Инга и убрала колоду обратно в чемодан. Хватит. Развлеклась. Она накинула халатик и, захватив пачку сигарет, вышла во двор – навстречу прямой южной ночи.

\* \* \*

– Может, погасим свет? Чтобы не вызвать любопытства у соседей...

– Ты слишком мнителен! – раздался приглушенный смех хозяйки. – Соседям моим плевать, в котором часу у меня горит свет. Это их нисколько не волнует, уверяю.

– Я не хочу, чтобы возникли какие-то подозрения. Если Мастер узнает...

– Не узнает. Успокойся, – бросила женщина и жестким тоном потребовала: – Я хочу знать, какие у Мастера планы на *нее*. Ты ведь следящий, верно? Тебя он поставил наблюдать за *ней*?

– Так я тебе и отвечу про планы Самого! – рассмеялся мужчина. – Полегче, милая. Не забывайся.

– Хорошо. Спрошу по-другому.

Хозяйка, быстро взглянув на посетителя, встала из-за стола и сделала по комнате круг. Остановившись напротив гостя, она, глядя ему прямо в глаза, четко и твердо произнесла:

– Мне плевать на грандиозные планы Мастера насчет *нее*. Мне важно лишь то, чтобы *она* не полезла туда, куда не следует: по своему незнанию, от любопытства, из-за мести, черт возьми!

Мужчина расслабленно улыбнулся и, растягивая слова, с видимым наслаждением сказал:

– Рыльце в пушку! Боишься, что твои делишки могут ненароком всплыть там, где не следует? Мастеру плевать на это, его такие мелочи не интересуют. Как и ты, впрочем.

– Если бы не мои «делишки», он бы не вышел на *нее*, – сердито огрызнулась женщина. – Не обольщайся насчет Мастера. Ты его тоже долго интересовать не будешь. Выполнишь свои обязанности – и адъёс. Кинет тебя, вот увидишь! Как котенка вышвырнет, только твоя миссия закончится.

– Посмотрим, милая. Злишься, что Мастер тебя из-за твоих «подвигов» разжаловал?

– Не разжаловал, а лишь ненадолго отстранил, – в тон ему пропела женщина, но, не сдержав эмоций, стукнула кулачком по столу: – Проклятие! Его интересы катком прошли по моим. Все мои старания рассыпались прахом! Все мои усилия! Но я все равно добыю своего! Слишком много сил было затрачено на достижение цели, чтобы сдаться!

– Но тебе сейчас мешает *она*. Неожиданный поворот, – рассмеялся гость. Ему, похоже, нравилось дразнить женщину. – И ты сейчас подобна лисице, которая видит виноград, но не может достать его! Похоже, что ты боишься не столько Мастера, сколько *ее*. Если она наберется сил и знаний, она тебя в порошок сотрет.

Женщина постаралась пропустить колкости мимо ушей. Ей сейчас важна была информация:

– Когда Мастер собирается вплотную заняться *ею*?

– Не знаю. Я только наблюдаю. Но могу тебя успокоить: сейчас тебе ничто не грозит.

– Может, Мастер еще переменит свое решение и оставит *ее*?

– Сомневаюсь. Механизм запущен. Да и *она*, сама того не ведая, уже глубоко увязла во всем этом. Обратного хода нет. Так что думай, пока есть время, о том, как спасти собственную шкуру.

– Ты мне поможешь. – Это был не вопрос, а утверждение.

– А какая мне польза – помогать тебе? – хмыкнул гость и оценивающим взглядом окинул фигуру женщины.

– Я в долгу не останусь, можешь мне верить. – Она постаралась не обращать внимания на слишком откровенный взгляд мужчины. – Расплачусь с тобой, не волнуйся. Если ты поможешь мне получить *мое*. Клянусь своей Силой.

– А если ты не добьешься своего? – осторожно поинтересовался мужчина. Такими клятвами не разбрасываются, он знал это, но все же недоверчиво относился к словам.

Женщина подошла к нему вплотную и, нежно взяв двумя пальцами за подбородок, глядя прямо ему в глаза, ласково, но в то же время твердо ответила:

– Добьюсь.

## Глава 6

Инга проснулась гораздо позже, чем вчера: сон сморил ее лишь под утро, да и уснув, спала она беспокойно. Ей снились люди без лиц, которые на все лады предлагали попробовать черешню. Многочисленные голоса сливались в неразборчивый гул, напоминающий осиное гудение. Инга испуганно пятилась от надвигающейся на нее толпы, пока не натолкнулась спиной на стену. Чувствуя себя в ловушке, она от отчаяния громко закричала и на этом проснулась.

Но чувство загнанности в угол не покидало ее. Дав себе зарок больше не предаваться по ночам тоскливым настроениям и во время отпуска не брать карты в руки (зачем она их вообще с собой взяла?), Инга в плохом настроении вышла во двор.

– Здравствуй, девочка! – бодро поприветствовала ее хозяйка. Она сидела за большим столом на террасе, увитой диким виноградом, и в компании пожилого мужчины пила чай.

– Здравствуйте, – поздоровалась в ответ Инга.

Незнакомец тут же приветливо указал ей на свободное место за столом:

– Составь нам компанию! Мы вот тут чайком балуемся! Между завтраком и обедом, так сказать.

– Это мой сосед, – пояснила хозяйка.

Инга вспомнила, что вчера получила от этого симпатичного дядечки презент в виде миски спелых ягод, и с улыбкой поблагодарила:

– Спасибо вам за черешню! Очень вкусная!

– На здоровье, – довольно заулыбался мужчина и представился: – Зови меня дядей Сашей.

– А я – Инга, – сказала она и пошла в летнюю кухню за чашкой.

После легкого завтрака в компании хозяйки и ее соседа Инга отправилась на городское кладбище – навестить могилки родных.

Она долго сидела на покосившейся скамеечке, глядя на выцветшие фотографии родителей и бабушки на памятниках. Мыслей не было, однако Инга была почти уверена в том, что родные сейчас чувствуют ее присутствие.

«Я пришла к вам. Простите за то, что прихожу так редко».

Она вздохнула и, поднявшись со скамейки, окинула взглядом запущенные могилки. Они с Вадимом редко приезжают сюда. Надо бы найти ответственного человека, который согласится за плату поддерживать все здесь в порядке.

Она ушла с кладбища, когда обеденное время давно миновало, и, чувствуя легкий голод, зашла в кафе с освежающим названием «Бриз».

Видимо, это кафе пользовалось популярностью у отдыхающих и жителей города: и зал, и терраса были заполнены посетителями. Но меню обещало много аппетитных блюд, а также разнообразие сортов мороженого, и Инга, решив, что со свободным местом она как-нибудь определится, взяла себе порцию блинчиков с мясом и фруктовое мороженое.

Свободное место нашлось: как раз в тот момент, когда она с подносом в руках поднялась на террасу, из-за столика в углу встала молодая пара. Направившись туда, Инга заметила за соседним столом вчерашнего невежливого посетителя Алексея Чернова в компании худенькой черноволосой девочки. На секунду мелькнула мысль вернуться в зал, лишь бы не соседствовать с Черновым, однако Инга тут же одернула себя. Тем более что Алексей, случайно глянув в ее сторону, неожиданно поздоровался кивком – скорее машинально, увидев знакомое лицо, чем из искреннего желания поприветствовать. Инга без всяких эмоций кивнула в ответ и села за стол. Чернову уже не было до нее никакого дела, он снова переключился на свою дочку, в которой Инга узнала девочку с мячом.

– Лиза, я помню, что пообещал тебе... – Алексей хоть и говорил приглушенным тоном, но разговор все равно был слышен Инге. – Дочка, я не специально! – Он в отчаянии повысил голос, видимо понимая, что никакие оправдания уже не реабилитируют его в глазах дочери. – Ты же ведь только что сама все видела и слышала: папу вызывают на работу. Случилось что-то неприятное, и мне нужно уехать.

Лиза в ответ забренчала ложкой в чашке. Инга, хоть и сидела спиной к девочке, будто увидела ее: опущенный взгляд, подпертая ладонью щека, отбивающая по стенкам чашки ритм отчаяния и обиды ложка.

– Лиза, прекрати! – Алексей громко сделал замечание, не выдержав душераздирающего звона.

Девочка лишь забренчала сильнее, грозя в конце концов расколотить посуду.

– Ты делаешь это мне назло? – Алексей заговорил уже в полный голос, не стесняясь того, что привлекает внимание других посетителей кафе. – Так, у тебя есть пять минут, чтобы сходить в туалет и вымыть руки! Ровно через пять минут ты возвращаешься сюда, и я отвожу тебя домой. И без твоих фокусов, поняла?

Инга мысленно посочувствовала девочке и подумала, что на месте той обязательно бы выкинула какой-нибудь фортель: например, заперлась бы в туалетной кабинке и проторчала там добрых два часа, чтобы еще больше позлить папочку.

Послышался шум отодвигаемого стула: Лиза поднялась из-за стола и отправилась, как велел отец, мыть руки. Инга, оглянувшись, посмотрела девочке вслед. Глядя на ее обиженно ссутуленные плечики и высоко стянутые в «хвост» длинные выующиеся волосы, она испытала неожиданное сочувствие. Инга развернулась к Чернову и, не церемонясь, тихо спросила:

– Что вы ей пообещали и не выполнили?

Алексей, что удивительно, не взорвался раздражением, а так же тихо и с явно слышимым в голосе чувством вины произнес:

– Пообещал, что весь сегодняшний день проведу с ней. Что не буду работать, а отведу ее в кафе, а потом – на пляж собирать ракушки и камешки. Но меня срочно вызвали. Я не могу не поехать! И, думаю, задержусь допоздна. Но Лизе этого не объяснишь! Тем более что я вчера написал ей клятву.

Он вздохнул и, спохватившись, что сделал недопустимое – показал свою слабость этой «фифе», запоздало огрызнулся:

– А вам какое дело? Сидите там себе и обедайте. Приятного аппетита. – И он невежливо отвернулся.

– Никакого дела! Абсолютно. – Инга, хоть он уже и не мог видеть, безразлично пожала плечами и после секундной паузы ровным тоном добавила: – Только вот клятвы, тем более данные в письменном виде, стоит держать. По крайней мере, стараться.

– Послушайте! – Алексей, со скрипом сдвинув стул, резко обернулся. – Какое вам дело до наших с дочерью отношений?! Я так понял – еще вчера – что абсолютно никакого!

– А я так поняла – тоже вчера – что вы приходили ко мне за помощью. И хоть вы не умеете просить... Впрочем, я в просьбах тоже не нуждаюсь. – Инга резко оборвала себя и, наклонившись к Чернову, спокойно проговорила: – Алексей, послушайте, ваша девочка сейчас очень обижена и расстроена. Вы вчера дали ей обещание, которое не смогли сдержать, пусть в этом и нет вашей вины. Но девочка уже настроилась на долгую интересную прогулку, а теперь ей придется сидеть дома и ждать вас до позднего вечера.

– И что вы предлагаете? – усмехнулся Алексей – высокомерно, но за видимым высокомерием он пытался скрыть наболевшее: неразрешимый вопрос – как при таком ненормированном графике работы уделять дочери достаточно внимания?

– А давайте я сегодня погуляю с Лизой? Я, конечно, не вы... Вряд ли девочку обрадует такая замена, но все же она не проведет остаток дня запертой в доме, а погуляет по пляжу, соберет камешки, как и хотела.

Видно было, что он колебался, разрываемый двумя противоположными решениями: согласиться или дать Инге отпор, как она ему вчера. И это колебание, отражаясь на лице, делало его, странным образом, очень привлекательным. Черты значительно смягчились, даже квадратная нижняя челюсть уже не казалась такой массивной. Задумавшись, он, как мальчишка, хлопал пушистыми ресницами, и Инга почему-то отметила про себя, что глаза у него – зеленые.

Украдкой рассматривая его лицо, она уже почти прониклась к Алексею симпатией, но он не замедлил все испортить:

– Сколько вы за это хотите?

Инга недоуменно приподняла брови, и Чернов уточнил:

– Я имею в виду, сколько вам заплатить за прогулку?

– Алексей, скажите, почему вы все измеряете в денежном эквиваленте? Кстати, ваша девочка уже возвращается. Кажется, она не опоздала ни на секунду, хорошо же вы ее выдрессировали!

Чернов пропустил колкость Инги мимо ушей и повернулся к Лизе, с гордым видом усаживающейся обратно за столик.

– Лиза, эту тетю зовут Ингой. – Он сделал короткий жест в сторону соседнего столика.

Девочка без особого интереса глянула на Ингу и, вежливо кивнув в знак приветствия, тут же отвела глаза.

– Тетя слышала наш с тобой разговор и сказала, что как раз идет на пляж собирать камешки для... ну, в общем, просто идет собирать камешки. И могла бы взять тебя с собой. Эта тетя хорошая, я ее немного знаю. Я бы разрешил тебе пойти гулять с ней, если ты, конечно, не против...

Лиза громко вздохнула и подняла на отца большие, черные, как маслины, глаза: «Папочка, папочка... Вечно у тебя нет на меня времени! Уже тети незнакомые предлагают со мной гулять!»

Упрек в ее глазах был столь красноречивым, что Инга поспешила Алексею на помощь.

– Мы с тобой уже встречались вчера на пляже, помнишь? У тебя был красивый мячик... – она улыбнулась девочке как можно приветливее, не особо, однако, надеясь на удачу. Лиза покосилась на нее без особого интереса, но, однако, и без враждебности. А затем неожиданно кивнула в знак согласия. Видимо, из двух зол – сидеть взаперти дома или пойти на прогулку с незнакомой тетей – Лиза выбрала последнее.

Когда они втроем выходили из кафе, Алексей тихо окликнул Ингу:

– Подождите... Я бы хотел сказать, если вы еще не знаете... Лиза не разговаривает.

Инга приостановилась и, повернувшись к нему, так же тихо ответила:

– Я знаю. Мы погуляем вдоль берега, а потом я провожу девочку домой. Лиза покажет мне дорогу. Можете не волноваться за ее сохранность.

Она улыбнулась, и Алексей тихо произнес:

– Спасибо.

Они сидели вдвоем на берегу, молча бросая камешки в воду. Лиза – это было хорошо заметно – продолжала сердиться на своего отца за несдержанное обещание. Она старалась выбирать гальку покрупнее и метала камни в море с силой, в которую, видимо, вкладывала все свое детское негодование, печаль и отчаяние. Плотные сжатые губы, прищуренный взгляд, напряженные скулы – Инге казалось, что она уже когда-то видела подобную картину. Была

одна девочка, отчаянно похожая на эту, которая избавлялась от плохого настроения метанием гальки в море. Она сама.

– Ты так сердишься на своего папу... Это очень заметно. – Инга попыталась отвлечь девочку.

Лиза никак не отреагировала на ее слова, лишь метнула с силой очередной гольш. И, не дожидаясь, когда на воде разойдутся круги от предыдущего камня, швырнула следующий.

– Знаешь, а ведь это очень хорошо, что у тебя есть папа! Пусть он и занят, пусть у него столько работы, что его могут в любой момент оторвать от общения с любимой дочкой, но главное – он у тебя есть!

Лиза проявила некоторую реакцию – скептически хмыкнула. «Папа-то есть, только вижу ли я его?»

– А я росла без папы... – вздохнула Инга и тоже метнула камешек в воду. – Мой папа умер, когда я была совсем маленькая. И я так грустила из-за того, что папы других девочек приходят домой после работы, пусть и уставшие, и занятые, а мой не придет... Мне бывало очень грустно, но я знала, что мой папа, даже несмотря на то, что его нет рядом со мной, все равно любит меня. Как и каждый папа – свою красивую девочку...

Инга поднялась на ноги и, меняя тон на более веселый, предложила:

– Может, прогуляемся вдоль моря?

Лиза отрицательно покачала головой, и Инга, сдавшись, снова присела на гальку.

– Хорошо, давай посидим тут. Но если ты хочешь пойти домой...

Лиза отказалась, и Инга воодушевилась.

– Я сейчас живу в большом городе, в Москве! Ты была когда-нибудь там?

Лиза снова покачала головой.

– Это не страшно! Твой папа обязательно свозит тебя в Москву. Ты была в других больших городах?

На этот раз девочка утвердительно кивнула.

«Недавно приехали из Питера – ездили к какому-то там медицинскому светиле», – вспомнились Инге недавние слова Марии.

– Наверное, это был Петербург! Я права? – оживилась Инга, и, когда девочка снова кивнула, воскликнула: – Вот видишь! У твоего папы есть время, чтобы свозить тебя в большой город. Вы, наверное, гуляли много?

Лиза совсем по-взрослому усмехнулась и, покачав головой, показала Инге два пальчика.

– Два дня? Вы были в Петербурге всего два дня? – догадалась Инга.

Девочка кивнула и сгребла в кулачок целую горсть мелких камешков. Вскочив на ноги, она, не обращая внимания на Ингу, подбежала к воде и метнула в море всю горсть. Когда круги на воде разошлись, наклонилась и тронула ладонями набежавшую на берег волну.

– Хочешь, мы и завтра пойдем гулять? – Инга присела рядом с девочкой и тоже погрузила пальцы в воду.

Лиза, не глядя на нее, безразлично пожала плечами. Затем подняла камешек, внимательно его рассмотрела и, повернувшись к Инге, с улыбкой протянула его ей.

– Это мне?

Это был небольшой гольш с дырочкой. Талисман. Такие «талисманчики», помнится, в детстве Инга с братом и подружками отыскивала среди других, обычных камней – на счастье.

– Спасибо! – восхитилась Инга и приложила подарок к груди, словно примеряя, как он будет смотреться в качестве украшения. – Я буду его носить! Ты ведь знаешь, что такие камешки с дырочками находят на счастье?

Лиза улыбнулась, давая понять, что знает.

– Раз ты его нашла, значит, у тебя будет счастье! И у меня тоже будет, потому что ты со мной им поделилась.

Лиза, довольная, снова улыбнулась и огляделась вокруг в поисках еще подобных камешков.

– А ты когда-нибудь играла в охотников за счастьем? – как бы между прочим спросила Инга, подкинув на ладони голыш, и Лиза покачала головой. – Впрочем, это даже не игра. Все происходит *по-настоящему!* Хочешь, мы с тобой тоже станем охотницами за счастьем?

Лиза неуверенно кивнула и вопросительно приподняла брови.

– Это просто... – произнесла Инга, рассеянно оглядывая берег. – Но искать счастье нужно в особом месте. Здесь – не годится. Знаешь, я могу открыть тебе один секрет... Я бы его никому не открыла, но вот тебе... Ты подарила мне камень счастья, и поэтому я у тебя в долгу. Я должна сделать для тебя что-нибудь подобное. Таковы правила. Обещаешь, что никому не откроешь секрет, о котором я тебе сейчас скажу?

Девочка энергично замотала головой.

– Хорошо! – обрадовалась Инга и, придвинувшись к девочке, громким шепотом попросила: – Только все равно поклянись! Такие правила для тех, кто хочет стать охотником за счастьем! Дотронься до этого камешка, который ты мне подарила, и мысленно произнеси клятву. «Клянусь никому не открывать эту тайну. Иначе волшебная сила камней, добытых мной, исчезнет!» Запомнила слова?

Лиза кивнула, и, послушно дотронувшись до протянутого на ладони Ингой камешка, сосредоточилась на «клятве». Инга еле сдержала улыбку, глядя на серьезное выражение детского личика. От усердия губы девочки немного подрагивали, словно Лиза пыталась и вслух проговорить важные слова. Ей так хотелось узнать обещанный секрет, что она готова была произнести любую клятву, какую бы ее ни попросили.

– Хорошо! – важным тоном объявила Инга, после того как Лиза «покаялась», и, внимательно глядя ей в глаза, произнесла: – Если найти камень, похожий на этот, в определенном месте и в определенный день, то волшебная сила его будет огромной! Он принесет счастье и удачу человеку, обладающему им. Найти такой талисман непросто... Но я расскажу тебе как и где.

Инга сделала эффектную паузу, и Лиза, слушавшая ее с повышенным вниманием, нетерпеливо нахмурилась, ожидая продолжения.

– Камешек с дырочкой, который принесет счастье и удачу, нужно искать в четной бухте. Бухта, в которой мы находимся сейчас, – первая, нечетная, а нам нужна следующая. И потом – еще через бухту. Но идти нужно так, чтобы солнце светило непременно в спину. Да, и день должен быть – пятница, и никакой другой. А люди, которые ищут камни счастья по таким приметам, зовутся охотниками за счастьем. Вот такая тайна. Вроде бы и простая, но в то же время мало кому известная. Теперь ты тоже посвящена в нее. Однако могу тебе сказать по секрету, что, несмотря на такие простые условия, найти камни счастья нелегко! Они умеют прятаться. Такой камешек будет счастливым только в руках избранного человека.

«Боже, ну и околесицу я несу...» – Инге даже стало немного стыдно за все то, что она придумывала на ходу, лишь бы отвлечь девочку от личных переживаний. Но Лиза уже вскочила на ноги и с воодушевлением крутилась, стараясь найти такое положение, чтобы солнце оказалось у нее за спиной.

– Стой, Лиза! Сегодня ничего не выйдет!

Девочка с недоумением посмотрела на нее, и в ее больших глазах просквозило явное разочарование.

– Сегодня же не пятница, а четверг!

Лиза, с облегчением вздохнув, рассмеялась и энергично замотала головой, высказывая свое несогласие.

– Разве? Сегодня пятница?! – с преувеличенным удивлением воскликнула Инга. – Ну точно! Точно! Пятница! Лиза, и что мы с тобой тут еще делаем?! Почему медлим? Солнце



поменяет свое положение, а нам нужно пройти дальний путь! Ты уже определила, в какую сторону нам идти?

Девочка махнула рукой в сторону следующей бухты, и Инга, поднявшись на ноги, с улыбкой похвалила:

– Молодец! Ты – настоящая охотница за счастьем!

...Возвращались они домой уже вечером. Поиски «охотниц за счастьем» увенчались успехом, если принять во внимание, что Инге удалось найти большой булыжник с маленькой, еле заметной дырочкой. Камень был торжественно подарен девочке, которая обрадовалась найденному «счастью», будто приняла в подарок не обкатанный морем простой голыш, а редкий алмаз. «Если верить, то и обычный камень может принести счастье...» – мысленно вздохнула Инга. Однако Лиза была довольна.

– Тебе понравилась наша прогулка? – спросила Инга, когда они уже вышли на дорогу, ведущую к Лизину дому.

Девочка, прижимая обеими руками к груди свою панамку, полную «сокровищ»-камней и ракушек, собранных в «нужной» бухте, – энергично закивала.

– Хочешь, завтра мы тоже пойдем гулять?

И Лиза в знак согласия улыбнулась.

\* \* \*

Алексей вернулся домой гораздо раньше, чем изначально предполагал. Не заходя в свою комнату, он отправился на кухню.

– Добрый вечер, Нина Павловна!

– Добрый, – поздоровалась через плечо домработница, хлопотавшая у плиты. Выключив газ под большой сковородой, повернулась к хозяину: – Ужинать будете, Алексей Юрьевич?

– Да нет... – Поморщившись, он оттянул двумя пальцами ворот тесной футболки и покрутил шеей, будто воротник сдавливал ему горло. – Кофе выпью. Лиза еще не приходила?

– А разве она не с вами? – всполошилась Нина Ивановна.

Алексей, мысленно подсадив на себя за то, что своим вопросом вызовет сейчас поток встречных вопросов, неопределенно махнул рукой:

– Да вот... Но вы не волнуйтесь, девочка гуляет с моей знакомой.

«Знакомая» – это сильно сказано... Чтобы не углубляться в детали и избежать расспросов, Алексей ушел с кухни.

– Сделайте кофе, Нин Пална. Я сейчас сменю одежду и спущусь.

В своей комнате он переоделся в свободную футболку и домашние джинсы. Взгляд его остановился на книге, которую дочь вчера всучила ему. Ровно сутки назад Лиза была расположена с ним общаться, писала ответы в альбоме и счастливо смеялась, предвкушая прогулку с папочкой.

– Черт! – сквозь зубы выругался Алексей и сжал кулаки. Проблема, из-за которой его так спешно вызвали, на самом деле оказалась пустячной, но с трудом налаженный хрупкий контакт с дочерью оказался разрушенным. И как снова восстановить его?

– Прочитать «Гарри Поттера», – усмехнулся он и, взяв с тумбочки дочки книжку, повертел ее в руках. Прочитает. Как-нибудь.

Наверное, не надо было ему отпускать Лизу гулять с этой незнакомой девицей... Алексей почувствовал укол беспокойства. И более острый – вины. За все то время, что он разбирался с рабочими проблемами, он ни разу не подумал о дочери. Сбагрил ее заезжей «фифочке» и на этом успокоился. «Вы тут пока позанимайтесь с моей дочкой – это вас немного развлечет. А я снова поработаю», – будто наяву услышал он свой ехидный внутренний голос.

Он пытался вспомнить: при жизни Кристины он тоже так мало уделял времени семье? Или уже после ее смерти с головой ушел в работу, стараясь таким образом заполнить образовавшуюся пустоту и заглушить боль утраты? Но Лиза-то тут при чем! Она потеряла мать, ее горе ничуть не меньше его.

Он снова выругался: так некстати прорезался голос совести, совершенно не вовремя. Разозлившись, Алексей решил, что, если дочь через час-полтора не явится домой, он поедет разыскивать ее – на побережье, в кафе, в дом к этой малознакомой девице. А когда найдет – ох, этой московской «фифочке» и не поздоровится! Ему хотелось сорвать всю свою злость и досаду на этой девчонке, посмеяшей нагло указать ему на его слабое место – недостаток внимания к дочери.

Алексей взял кружку с кофе и, не задерживаясь больше на кухне, прошел в свой кабинет. Он решил в ожидании дочки немного поработать. Опять поработать... Он горько усмехнулся и, поставив кружку на стол, включил компьютер.

Просматривая статистику по рыбным уловам за прошлый месяц, Алексей почувствовал спиной чей-то взгляд. Машинально оглянувшись через плечо, он никого не увидел. Однако ощущение, будто кто-то наблюдал за ним, не покидало. Чернов оторвался от экрана, всем корпусом развернулся назад и внимательно огляделся, будто и в самом деле ожидал сейчас обнаружить в своем кабинете кого-то постороннего.

– Параноик, – еле слышно обругал он себя за не поддающуюся объяснению внезапно возникшую мнительность и вновь вернулся к работе. Еще раз пробежав взглядом цифры, Алексей открыл папку с договорами с перевозчиками и отчетами от юриста. Однако сосредоточиться на документах ему мешал неприятный холодок вдоль позвоночника, будто невидимый наблюдатель стоял у него за спиной и сверлил пристальным взглядом его затылок.

Алексей машинально провел ладонью по затылку, будто стряхивая назойливый взгляд. Заработался... То у него возникают слуховые галлюцинации в виде Лизкиного голоса, то зрительные, когда он явственно видит дочь, входящую в библиотеку. А теперь вот добавились и галлюцинации на уровне ощущений... Как их назвать? Алексей вздохнул и закрыл все документы. К черту все! По крайней мере на сегодняшний вечер. Он выйдет во двор, сядет на крыльцо и выкурит сигарету в ожидании дочери. Пожалуй, он не будет срывать свое раздражение на «московской штучке», а вежливо поблагодарит ее за прогулку с его Лизой. А потом постарается помириться с дочкой. И, возможно, почитает ей на ночь «Гарри Поттера».

Думая обо всем этом, Алексей выключил компьютер и, поднявшись из-за стола, со вкусом потянулся. Но так и замер с поднятыми руками и чуть выгнутой спиной: ему явственно послышался чей-то вздох.

– Кто здесь?!

Глупо спрашивать у пустоты. Алексей и сам понял, что его вопрос прозвучал слишком киношно, как в многочисленных американских триллерах со сходными сюжетами и предсказуемыми финалами. По закону жанра, сейчас сзади должен раздаться зловеющий смех, либо на затылок Алексея обрушится оглушающий удар. Но ни удара, ни смеха не последовало, вместо этого его будто обдало легким холодным ветерком, словно кто-то невидимый всколыхнул воздух, проходя мимо. И на секунду почудился еле уловимый аромат ванили, вызвавший мимолетные ассоциации с покойной женой. Кристина пользовалась «сладкими» духами. Алексей, еще не ведая, что творит, находясь под влиянием короткого наваждения, прикрыл глаза и втянул носом воздух. Нет, духами не пахнет. Ему просто показалось.

– Черт знает что! – снова негромко чертыхнулся он и, захватив со стола пачку сигарет, вышел во двор.

\* \* \*

– А вон твой папа! Ждет тебя, – Инга кивнула в сторону крыльца.

Девочка поджала губы, но больше никак не проявила свое недовольство.

– Добрый вечер! – подходя к крыльцу, с улыбкой поздоровалась Инга. Сейчас, в растянутой футболке и вытертых джинсах, немного взъерошенный, Алексей больше напоминал добродушного медведя, чем шкафообразного «братка». Хотя в том, что медведи бывают добродушными, Инга сомневалась.

– Добрый, – без улыбки ответил Чернов и затоптал брошенный на землю окурок.

– Возвращаю вам вашу девочку в целости и сохранности, как и обещала, – усмехнулась Инга, догадываясь, что Алексей уже успел пожалеть о том, что вот так опрометчиво отправил родную дочь гулять с незнакомкой.

Чернов пропустил ее реплику мимо ушей, сконцентрировавшись на дочери.

– Привет, Лиз! – поздоровался он с преувеличенной беззаботностью, за которой старался скрыть свою вину и опасения, что дочка все еще обижается на него.

Девочка старательно кивнула и крепче прижала к себе панамку с «сокровищами».

– Тебе понравилась прогулка? – продолжая игнорировать стоявшую практически перед ним Ингу, снова обратился к дочери Алексей.

Та вновь кивнула и бочком протиснулась мимо отца к двери.

– Я к тебе чуть попозже приду! Мы с тобой поболтаем, а потом вместе почитаем «Гарри Поттера»! – крикнул ей вдогонку Алексей.

Лиза приостановилась и с удивлением оглянулась на отца.

– До свидания, Лиза! – Инга помахала рукой замершей в дверях девочке и с улыбкой добавила: – И не сердись на папочку! Помни, что я тебе рассказывала по дороге сюда про «камень счастья»! Он может потерять свою волшебную силу, если его хозяйка будет долго сердиться!

Лиза понимающе улыбнулась и, тоже помахав рукой на прощание, скрылась в доме.

– Что это за «камень счастья»? – проворчал Алексей и вопросительно уставился на все еще продолжающую стоять перед ним Ингу.

– Обычный камень-голыш, только с дырочкой... Вот такой. – Она показала Алексею камешек, подаренный ей Лизой.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.